Россійская ... у ... ая Партія (большевиковъ).

...ѣхъ странъ, соединяйтесь!

М. Ольминскій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

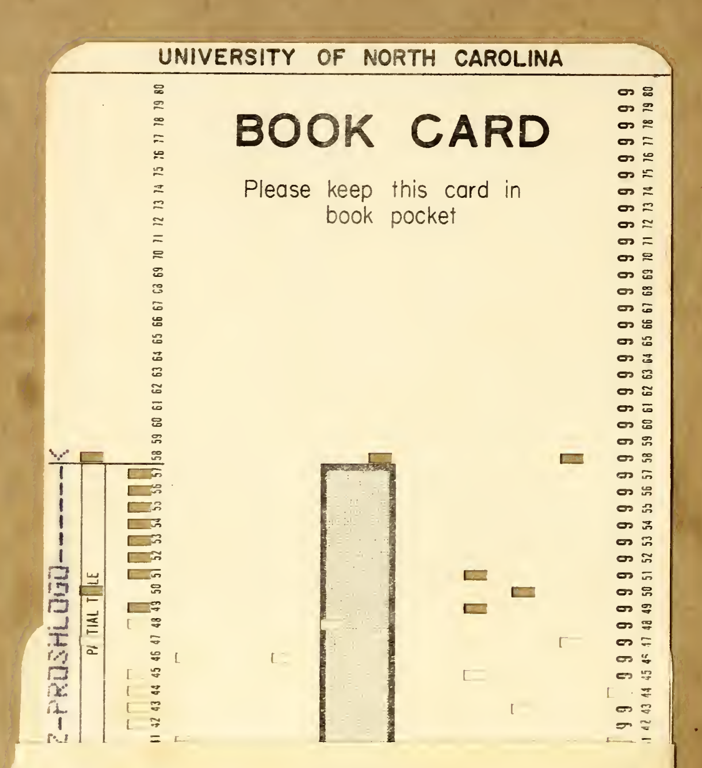
Происхожденіе жандармовъ. — Заря революціоннаго романтизма.—Золотой вѣкъ народничества и марксизмъ.— „Я васъ арестую“.

Ц... 15 руб.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва — 1919.

189

UNIVERSITY OF NORTH CAROLINA
BOOK CARD
Please keep this card in book pocket
PARTIAL TITLE

Россійская Коммунистическая Партія (большевиковъ).

Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!

М. Ольминскій.

ИЗЪ ПРОШЛАГО.

Происхожденіе жандармовъ. — Заря революціоннаго романтизма. — Золотой вѣкъ народничества и марксизмъ. — „Я васъ арестую“.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО.

Москва — 1919.

17-я ГОСУДАРСТВЕННАЯ типографія (бывш. Кушнерева). Пименовская.
МОСКВА — 1919.

Происхожденіе жандармовъ.

Отдѣльный корпусъ жандармовъ былъ учрежденъ почти одновременно съ знаменитымъ третьимъ отдѣленіемъ собственной его императорскаго величества канцеляріи. Существуетъ легенда, будто эти учрежденія обязаны своимъ появленіемъ на свѣтъ исключительно личной иниціативѣ имп. Николая I. На самомъ же дѣлѣ идея основанія особой тайной канцеляріи для политическихъ розысковъ, какъ и проектъ введенія жандармовъ, разрабатывались еще въ александровское время.

Лично имп. Александръ I былъ, какъ говорятъ, противникомъ тайной политической полиціи. Этому можно повѣрить, если вспомнить о руководящей роли полиціи въ заговорахъ противъ Петра III и Павла I.

Но представители господствующаго класса не могли стоять на точкѣ зрѣнія имп. Александра I: они не могли не заботиться объ охранѣ своего привилегированнаго положенія. Они зорко слѣдили за настроеніемъ, враждебнымъ крѣпостничеству. Слишкомъ свѣжи еще были въ памяти дворянства и французская революція, и россійская пугачевщина. Яркимъ свидѣтельствомъ готовности тогдашняго „общества“ стоять на стражѣ стараго порядка является необычайное развитіе литературныхъ доносовъ. Всякую новую мысль дворянская интеллигенція готова была считать покушеніемъ на свое классовое и политическое господство; почти всякая поле-

мика превращалась въ крикъ: „слово и дѣло!“ Шишковисты доносили на карамзинистовъ, классики на романтиковъ и реалистовъ, реакціонеры на славянофиловъ, славянофилы на западниковъ. Литературное доносительство было почти всеобщимъ явленіемъ въ первой половинѣ девятнадцатаго вѣка. Представляетъ особый историческій интересъ и отношеніе лучшей части дворянскаго общества къ вопросу о тайной полиціи. И читатель, ради исторической правды, не долженъ сѣтовать на автора настоящей статьи, если въ ней встрѣтитъ факты, не укладывающіеся въ ходячія либеральныя и демократическія схемы представленій.

Доносительское „общественное движеніе“ въ царствованіе имп. Александра I не могло не оказать своего вліянія на политику правительства.

Напомнимъ, что работа тайныхъ разыскныхъ канцелярій процвѣтала въ XVIII вѣкѣ, вплоть до воцаренія Петра III. Только при этомъ императорѣ послѣдовалъ указъ объ уничтоженіи тайной канцеляріи, такъ какъ она помогала, сказано въ указѣ, „злымъ, подлымъ и бездѣльнымъ людямъ... протягивать въ даль заслуженныя ими казни и наказанія, или же злостнѣйшими клеветами поносить своихъ начальниковъ и непріятелей“. Но Петръ III въ томъ же году погибъ въ результатѣ заговора, о которомъ были хорошо освѣдомлены начальникъ полиціи баронъ Корфъ и генералъ-прокуроръ Глѣбовъ.

При Александрѣ I въ 1805 году, на время отсутствія царя изъ столицы, былъ учрежденъ „комитетъ высшей полиціи“, а затѣмъ въ 1807 году—„комитетъ охраненія общей безопасности“; наконецъ, въ 1820 году, послѣ волненій въ Семеновскомъ полку, была заведена, по докладу князя Васильчикова, тайная военная полиція.

Къ концу царствованія Александра I стали увеличи-

ваться доносы о тайныхъ обществахъ. Говорятъ, что Александръ I не давалъ хода этимъ доносамъ. Однако же вѣдь разсчитывали на что-то ихъ авторы? Очевидно, въ правительственныхъ кругахъ уже не раздѣляли мнѣній „дней александровыхъ прекраснаго начала". Очевидно, реакціонныя настроенія возобладали послѣ войнъ 1812—1815 годовъ.

Члены тайныхъ обществъ, которые раньше шли въ ногу съ правящими кругами, постепенно превратились въ идейныхъ отщепенцевъ своего же дворянскаго общества. И въ 1826 году носители дворянско-освободительныхъ идей, которыми до войны было воодушевлено правительство, попали изъ дворца въ каторжныя тюрьмы. Въ этомъ переселеніи и выразился тотъ „общественный подъемъ", который наступилъ послѣ войны 1812 года

Въ то время какъ одна часть дворянства замыкалась въ тайныя общества и принимала благодаря этому окраску нѣсколько болѣе лѣвую, другая часть того же дворянства писала доносы противъ тайныхъ обществъ и составляла проекты тайной полиціи. Но между обѣими этими частями продолжала существовать довольно тѣсная связь. Любопытно вспомнить, напримѣръ, отношеніе декабриста кн. Волконскаго къ знаменитому Бенкендорфу.

Въ 1812 году Бенкендорфъ подалъ царю „записку" о тайныхъ обществахъ, а вслѣдъ за этимъ выступилъ и съ проектомъ широкой организаціи высшей полиціи. И съ этимъ проектомъ онъ обратился именно къ членамъ тайныхъ обществъ.

По разсказу кн. Волконскаго [1]), Ал. Хр. Бенкендорфъ былъ его товарищемъ по флигель-адъютантству; они были „сперва довольно знакомы, а впослѣдствіи въ тѣсной друж-

[1]) „Записки", изд. 1901 г., стр. 135—136.

бѣ“. Бенкендорфъ побывалъ въ Парижѣ и, какъ человѣкъ мыслящій и „впечатлительный“, увидѣлъ, „какую пользу оказывала жандармерія во Франціи“.

Далѣе, по словамъ кн. Волконскаго, Бенкендорфъ находилъ, что „на честныхъ началахъ, при избраніи лицъ честныхъ, смышленыхъ, введеніе этой отрасли соглядатаевъ можетъ быть полезно и царю, и отечеству“. Онъ приготовилъ проектъ и „*пригласилъ насъ, многихъ своихъ товарищей*, вступить въ эту когорту, какъ онъ называлъ, доброомыслящихъ, *и меня въ ихъ числѣ*; проектъ былъ представленъ, но не утвержденъ. Эту мысль (Бенкендорфъ) осуществилъ при восшествіи на престолъ Николая, въ полномъ убѣжденіи,—въ томъ я увѣренъ,—что дѣйствія оной будутъ для охраненія отъ притѣсненій, для охраненія во-время отъ заблужденій. Чистая его душа, свѣтлый его умъ имѣли это въ виду; и потомъ, какъ изгнанникъ, я долженъ сказать, что во все время моей ссылки голубой мундиръ не былъ для насъ лицомъ преслѣдованія, а людьми, охраняющими насъ и всѣхъ отъ преслѣдованія“.

Изъ предыдущаго мы знаемъ, что Бенкендорфъ не совсѣмъ безъ основанія обратился со своимъ проектомъ и приглашеніемъ именно къ членамъ тайныхъ дворянскихъ обществъ, изъ которыхъ впослѣдствіи выдѣлились декабристы. Каково же было отношеніе послѣднихъ къ тайной полиціи?

Мы уже видѣли, какъ относится къ Бенкендорфу декабристъ С. Г. Волконскій, осужденный въ безсрочную каторгу. Онъ считаетъ основателя тайной полиціи за человѣка мыслящаго и впечатлительнаго, за человѣка съ чистой душой, и не возмущается приглашеніемъ поступить на службу въ тайную полицію. И такое отношеніе вовсе не было личнымъ отношеніемъ Волконскаго.

Историческіе факты рѣзко подчеркиваютъ классовый

характеръ движенія, закончившагося катастрофой 14 декабря 1825 года.

Это было движеніе дворянъ-землевладѣльцевъ, желавшихъ сдѣлать нѣкоторый шагъ впередъ по направленію къ буржуазному строю, но съ условіемъ сохраненія особыхъ правъ и преимуществъ за помѣщиками. Только въ этомъ смыслѣ и возможно признать движеніе декабристовъ движеніемъ освободительнымъ.

Въ проектахъ конституцій, оставшихся отъ декабристовъ, мы находимъ высокій избирательный цензъ, при чемъ для владѣльцевъ недвижимаго имущества этотъ цензъ вдвое ниже, чѣмъ для владѣльцевъ движимаго (напримѣръ, 60.000 р. и 30.000 рублей). Далѣе, они проектировали, чтобы переселяющійся „освобожденный“ крестьянинъ обязательно уплачивалъ особый выкупъ помѣщику за потерю имъ „свободныхъ“ рабочихъ рукъ; основные принципы отмѣны крѣпостного права изложены въ „Русской Правдѣ“ въ слѣдующихъ словахъ:

„I. Освобожденіе крестьянъ отъ рабства не должно лишить дворянъ дохода, отъ помѣстій своихъ получаемаго; 2) освобожденіе сіе не должно произвести волненій и безпорядковъ въ государствѣ, для чего и обязывается верховное правленіе безпощадную строгость употреблять противъ всякихъ нарушителей спокойствія“.

Понятно, что уже и въ моментъ подготовки революціи первой заботой дворянскихъ революціонеровъ являлось созданіе полицейской силы для охраны доходовъ помѣщиковъ съ „безпощадной строгостью“.

Но были у декабристовъ и другія заботы, уже чисто политическаго свойства. Вѣдь по ихъ программѣ („Русская Правда“) всякія частныя общества запрещались безусловно, а свобода печати допускалась только „въ предѣлахъ закона“. Поэтому на тайную полицію они проектировали возложить обязанность „узнавать, какъ распо-

лагаютъ свои поступки частные люди: образуются ли тайныя и вредныя общества, готовятся ли бунты, дѣлаются ли вооруженія частными людьми противозаконнымъ образомъ во вредъ обществу, распространяются ли соблазнъ и ученіе, противное законамъ и вѣрѣ, появляются ли новые расколы и, наконецъ, происходятъ ли запрещенныя собранія и всякаго рода развратъ".

Далѣе, на полицію предполагалось возложить обязанность особаго надзора за книгопродавцами, типографіями, театральными представленіями и обращеніемъ книгъ, журналовъ, мелкихъ сочиненій и листковъ, а также имѣть свѣдѣнія „о *дозволеніяхъ*, данныхъ для тисненія новыхъ сочиненій и для пропуска книгъ изъ-за границы", и далѣе, „поимку преступниковъ, бѣглыхъ и безпаспортныхъ, пресѣченіе бродяжничества и запрещенныхъ сходбищъ".

Для составленія „внутренней стражи" по „Русской Правдѣ" признавалось „достататочнымъ" для Россіи того времени 50.000 жандармовъ: въ столичныхъ губерніяхъ по 2.000, а въ прочихъ—по 1.000, наполовину конныхъ и наполовину пѣшихъ. Но для охраны „вышняго благочинія", кромѣ 50.000 явныхъ жандармовъ, предполагалось учредить еще тайную организацію. Остановимся подробнѣе на ея проектѣ.

На стр. 110 „Русской Правды" читаемъ:

„Вышнее благочиніе охраняетъ правительство, Государя и всѣ государственныя сословія отъ опасностей, могущихъ угрожать образу правленія, настоящему порядку вещей и самому существованію гражданскаго общества или государства... Вышнее благочиніе требуетъ непроницаемой тьмы и потому должно быть поручено единственно государственному главѣ сего приказа, который можетъ оное устраивать *посредствомъ канцеляріи*, особенно для сего предмета при немъ находящейся... И

такъ, устройство вышняго благочинія входитъ въ обязанность самого главы, который оное утверждать долженъ тайнымъ образомъ *посредствомъ особенной своей канцеляріи*, коея образованіе и составъ также въ тайнѣ содержаться должны, и посредствомъ тайныхъ розысковъ, коею вѣстники должны быть хорошо выбраны, никому неизвѣстны и великое получать жалованье".

Составители „Русской Правды" особо подчеркиваютъ, „что весьма было бы неблагоразумно обнародовать образованіе вышняго благочинія и сдѣлать гласными имена чиновниковъ, въ томъ употребляемыхъ".

Извѣстно, что вершители и распорядители не всегда относятся съ уваженіемъ къ исполнителямъ ихъ собственныхъ распоряженій. Прокуроръ, требующій казни, и судьи, приговаривающіе къ смерти, брезгливо отвертываются отъ палачей. Приблизительно такое же отношеніе встрѣчали, повидимому, среди дворянскихъ верховъ и профессіональные политическіе шпіоны: ими пользовались и отъ нихъ брезгливо отворачивались. Такъ, напримѣръ, предлагая учрежденіе тайной военной полиціи послѣ волненій въ Семеновскомъ полку, командиръ гвардейскаго корпуса кн. Васильчиковъ писалъ объ агентахъ этой полиціи: „чтобы заставить хорошо служить этихъ мерзавцевъ, необходимо имъ хорошо платить".

Составители „Русской Правды", какъ бы возражая кн. Васильчикову и желая оправдать ремесло тайныхъ агентовъ, пишутъ, что тайные розыски или шпіонство — не только позволительное и законное, но и надежнѣйшее и, почти можно сказать, единственное средство для достиженія цѣлей вышняго благочинія; для тайныхъ розысковъ должны быть употреблены люди умные и „хорошей нравственности". „Но дабы люди, *уваженія достойные*", соглашались идти въ шпіоны, они не должны „никогда, ни подъ какимъ видомъ или предлогомъ, на-

роду таковыми быть извѣстны... они должны быть увѣрены, что ихъ лица и добрыя имена въ совершенной находятся безопасности“.

Въ концѣ 1825 года декабристы были арестованы; „Русская Правда“ попала въ руки правительства; а въ іюнѣ 1826 года, по докладу Бенкендорфа, былъ изданъ указъ объ основаніи жандармской полиціи, и 3 іюля особая канцелярія министра внутреннихъ дѣлъ была преобразована въ III отдѣленіе собственной его имп. величества канцеляріи.

Бенкендорфъ имѣлъ полную возможность ознакомиться съ проектомъ тайной полиціи, изложеннымъ въ „Русской Правдѣ“, и, судя по его докладу, дѣйствительно ознакомился. Получается такое впечатлѣніе, что третье отдѣленіе и отдѣльный корпусъ жандармовъ были учреждены съ необычайной поспѣшностью послѣ того, какъ „Русская Правда“ стала извѣстна правительству; то-есть они учреждены отчасти именно благодаря идейному вліянію декабристовъ.

Необходимо, однако, отмѣтить слѣдующее. При оцѣнкѣ историческихъ событій и общественныхъ группъ всегда нужно принимать во вниманіе ихъ отношеніе какъ къ отживающему старому порядку, такъ и къ нарождающимся требованіямъ новой жизни. Съ этой точки зрѣнія между декабристами и ихъ побѣдителями неизбѣжно провести грань. А вмѣстѣ съ тѣмъ и о проектахъ той и другой стороны нужно судить по ихъ цѣлямъ. У декабристовъ цѣлью тайной полиціи являлось задержать дальнѣйшее развитіе революціи, спасти доходы и привилегіи помѣщиковъ отъ новыхъ покушеній со стороны народа и укрѣпить только что созданный революціей новый буржуазный порядокъ. Въ ихъ проектѣ, правда, нельзя найти намековъ на боязнь контръ-революціи, на опасность справа; но такая опасность объективно суще-

ствовала. Что же касается учрежденій, осуществленныхъ побѣдителями декабристовъ, то они и по мысли создателей, и по объективнымъ условіямъ были обращены фронтомъ исключительно влѣво.

Докладъ Бенкендорфа прямо и начинается съ указанія, что заговоръ декабристовъ доказалъ ничтожество нашей полиціи и необходимость организовать новую полицейскую власть по обдуманному плану, приведенному какъ можно быстрѣе въ исполненіе.

Интересно, далѣе, сравнить точку зрѣнія Бенкендорфа съ точкой зрѣнія „Русской Правды" на самую форму организаціи полиціи. Составители „Русской Правды", какъ мы видѣли, требовали совершенной тайны для организаціи вышняго благочинія, чтобы „люди, уваженія достойные", могли поступать въ шпіоны съ увѣренностью въ безопасности ихъ „добрыхъ именъ". Какъ бы полемизируя съ „Русской Правдой", Бенкендорфъ въ своемъ докладѣ рѣшительно заявляетъ, что „тайная полиція почти немыслима: честные люди боятся ея, а бездѣльники легко осваиваются съ нею".

Бенкендорфъ предпочитаетъ полицію явную: „всякій порядочный человѣкъ,—говоритъ онъ,—сознаетъ необходимость бдительной полиціи, охраняющей спокойствіе общества и предупреждающей безпорядки и преступленія; но всякій опасается полиціи, опирающейся на доносы и интриги: первая внушаетъ честнымъ людямъ безопасность, вторая же пугаетъ ихъ и удаляетъ отъ престола". Явная полиція предпочтительнѣе, далѣе, въ силу того, что люди „честные и способные часто брезгаютъ ролью тайныхъ шпіоновъ". И наконецъ, какъ бы дѣлая уступку въ пользу пособниковъ полиціи, требующихъ тайны для безопасности ихъ „добрыхъ именъ", Бенкендорфъ утѣшаетъ, что „злодѣи, интриганы и люди недалекіе, раскаявшись въ своихъ ошибкахъ или ста-

раясь искупить свою вину доносомъ, будутъ по крайней мѣрѣ знать, куда имъ обратиться". Но,—предостерегаетъ Бенкендорфъ,—„нужно помнить, что тайные агенты нерѣдко служатъ шпіонами за и противъ правительства" [1]).

Общее впечатлѣніе отъ сравненія проекта „Русской Правды" и доклада Бенкендорфа можно резюмировать вкратцѣ въ томъ смыслѣ, что въ лицѣ декабристовъ мы имѣемъ дѣло съ людьми, признающими тайную полицію въ принципѣ и дѣлающими изъ этого признанія логическіе выводы; а Бенкендорфъ—человѣкъ полицейской практики, которому видна оборотная сторона медали и который готовъ пользоваться услугами „злодѣевъ, интригановъ и людей недалекихъ", или, по выраженію князя Васильчикова, услугами „этихъ мерзавцевъ", зная имъ цѣну.

Учрежденіе корпуса жандармовъ и III отдѣленія не было личнымъ дѣломъ Николая I или какой-либо реакціонной группы; оно отвѣчало требованію дворянскаго общества въ цѣломъ и явилось прямымъ результатомъ „общественныхъ движеній въ царствованіе Александра I", удовлетвореніемъ общественныхъ требованій своей эпохи. На этомъ требованіи дворянскіе реакціонеры сходились съ дворянскими революціонерами. Въ потребностяхъ тѣхъ и другихъ оказалось нѣчто общее. Это общее заключалось въ охранѣ имущихъ классовъ отъ посягательствъ со стороны демократическихъ слоевъ населенія.

---

[1]) Докладъ Бенкендорфа написанъ по-французски; наши цитаты взяты изъ русскаго перевода по книгѣ Лемке „Ник. жанд. и литература 1826—1855 гг.". Нужно замѣтить, что введенныя по докладу Бенкендорфа учрежденія одновременно отвѣчали какъ его указаніямъ, такъ и проекту „Русской Правды": съ одной стороны, публичный корпусъ жандармовъ, а съ другой — III отдѣленіе, органъ „высшей секретной полиціи, которая въ лицѣ тайныхъ агентовъ должна была помогать и способствовать дѣйствіямъ жандармовъ".

Отсюда прямой выводъ: гдѣ есть на лицо классовое господство, тамъ неизбѣжно и возникновеніе органовъ, аналогичныхъ бывшему третьему отдѣленію и отдѣльному корпусу жандармовъ. Разница можетъ быть лишь въ степени и формѣ. Напримѣръ, въ сѣверо-американской республикѣ, за отсутствіемъ или, скорѣе, за недостаточностью государственной тайной полиціи, возникаютъ частныя организаціи политическаго сыска (знаменитое агентство Пинкертона и т. п.). Или вотъ еще примѣръ, болѣе близкій къ русскимъ дѣламъ. Въ царствованіе имп. Александра III, въ моментъ расцвѣта самодержавія въ Россіи, директоръ департамента полиціи П. Н. Дурново получилъ орденъ почетнаго легіона отъ правительства республиканской Франціи спеціально за постановку русскаго политическаго сыска въ Парижѣ.

Если вѣрить либеральнымъ историкамъ русской общественности, въ Россіи еще со временъ Николая I начался и все углублялся разладъ между „обществомъ" и органами политическаго сыска. На самомъ дѣлѣ этотъ разладъ не отличался той глубиной и такимъ захватомъ широкихъ общественныхъ круговъ, какъ это изображаютъ наши историки. Можно было бы привести множество фактовъ, хотя бы изъ исторіи русской литературы, въ доказательство того, что связь между „обществомъ" и отдѣльнымъ корпусомъ жандармовъ всегда сохранялась.

Заря революціоннаго романтизма.

I.

Развитіе производительныхъ силъ привело Россію XIX вѣка къ небывалому росту товарнаго хозяйства. Хлѣбъ уже имѣетъ всѣ свойства товара, — констатировалъ Заблоцкій-Десятовскій во второй половинѣ 40-хъ годовъ. Прежній естественный характеръ сельскихъ отношеній, — писалъ Кирѣевскій въ 1845 году, — замѣнился характеромъ фабричной напряженности. „Проникая все глубже и глубже въ русскую жизнь, товаръ разрушалъ хозяйственную обособленность натуральнаго строя, дѣлалъ уже невозможнымъ существованіе самопотребительнаго хозяйства, невольно связывая обособленныя хозяйства воедино, крѣпкими узами обмѣна“ [1]). Товарное хозяйство, бравшее перевѣсъ надъ хозяйствомъ натуральнымъ, обрекало на гибель соціальныя организаціи умиравшей хозяйственной эпохи. Правящій классъ,—помѣщики-чиновники и помѣщики-офицеры,—на видъ еще господствовалъ безраздѣльно и казался единымъ классомъ. Онъ не имѣлъ противъ себя сколько-нибудь планомѣрной, сколько-нибудь сознательной и организованной политической оппозиціи. Погибель таи-

---

[1]) Р. Гвоздевъ. „Кулачество-ростовщичество, его общественно-экономическое значеніе“, С.-П.-Б. 1899, стр. 20.

лась въ груди самого правящаго класса. Товаръ проникъ въ его сердце, заразилъ дворянскую кровь бациллой денежнаго обмѣна,—и правящій классъ крѣпостнической эпохи погибъ, какъ классъ владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ.

Въ моментъ ликвидаціи стараго порядка по внѣшности все обстояло благополучно. Помѣщичье-чиновничій классъ,—не классъ чиновниковъ и помѣщиковъ, а классъ помѣщиковъ-чиновниковъ,—оставался правящимъ классомъ и самъ рылъ себѣ могилу, какъ классу. Разлагавшееся дворянство превращалось въ классъ новой формаціи. Операція не изъ легкихъ: приходилось выбрасывать изъ себя вонъ неприспособившіеся элементы,—родственные по прошлому, близкіе сердцу,—и включать въ свой составъ, какъ класса (не какъ сословія, — сословность сохранялась больше для декораціи), элементы, чуждые въ прошломъ, недавно еще презираемые, плебейскіе. Государство владѣльцевъ крѣпостныхъ душъ уступало мѣсто государству собственниковъ эпохи товарно-буржуазнаго хозяйства.

Задолго до реформы дворянство уже не было единымъ цѣлымъ, и правительство не было правительствомъ *всего* дворянства. Отсюда слабосиліе власти по отношенію къ отдѣльнымъ частямъ дворянства,—слабосиліе, бросавшееся въ глаза уже современникамъ. Наблюдательный А. В. Никитенко въ 1843 году писалъ въ своемъ дневникѣ: „Важную роль въ русской жизни играютъ воровство и такъ называемыя злоупотребленія: это наша оппозиція, нашъ протестъ противъ неограниченнаго своевластія. Власть думаетъ, что для нея нѣтъ невозможнаго, что ея воля нигдѣ не встрѣчаетъ сопротивленія; между тѣмъ, ни одно ея предписаніе не исполняется такъ, какъ она хочетъ“.

„Наша оппозиція“ проявляла себя въ воровствѣ. На

смѣну людей стараго порядка шелъ человѣкъ будущаго, герой пореформенной эпохи, „негодяй“, будущій „властитель думъ“ своего времени: представитель господствующаго класса эпохи такъ называемаго „первоначальнаго накопленія“ поднималъ голову. Онъ еще прятался, былъ раболѣпенъ,—онъ временно приспособлялся, чтобы съ тѣмъ большей гордостью исполнять впослѣдствіи роль побѣдителя. Онъ уже ковалъ подъ спудомъ исторію въ то время, какъ дворянскіе идеалисты-литераторы только воображали себя кузнецами будущаго.

Въ 50-хъ годахъ наступаетъ переломъ: власть попадаетъ въ руки людей, рѣшившихъ порвать съ крѣпостничествомъ. И опять та же картина слабосилія власти,— крѣпостничество еще сильно. Въ декабрѣ 1858 г. тотъ же Никитенко пишетъ: „Говорятъ, государь въ совѣтѣ министровъ изъявилъ свое неудовольствіе за сопротивленіе, которое онъ встрѣтилъ въ комитетѣ. Онъ прямо указалъ на М. Н. Муравьева и В. П. Буткова, которые во время своихъ поѣздокъ лѣтомъ по Россіи распускали слухъ, что проектъ освобожденія существуетъ только для вида: поговорятъ, да тѣмъ и кончится. Но странное же дѣло! Государь видитъ въ нѣкоторыхъ лицахъ прямое противодѣйствіе своимъ великодушнымъ намѣреніямъ, а между тѣмъ лица эти крѣпко сидятъ на своихъ мѣстахъ!“

Въ концѣ-концовъ, крѣпостники отступили, чтобы вынырнуть въ качествѣ членовъ новаго класса: „наша оппозиція—это были прежде всего именно они. Имъ открывались перспективы... Дѣятели реформъ были непріятны имъ лишь постольку, поскольку они могли увлекаться соображеніями идеалистическаго характера, влекущими за собой отрицаніе специфическихъ пріемовъ „нашей оппозиціи“.

Ликвидаторами надстроекъ натуральнаго хозяйства были члены центральной (петербургской) помѣщичьей организаціи. Владѣльцы преимущественно имѣній оброчныхъ, живущіе вдали отъ помѣстій, они были больше другихъ помѣщиковъ заинтересованы въ торжествѣ новыхъ общественно-хозяйственныхъ отношеній. Отдаленность столицы отъ мѣстностей барщиннаго хозяйства облегчила и ускорила ликвидацію. Принадлежность иниціаторовъ реформы къ центральной организаціи класса (центральной государственной организаціи) ставила ихъ личные интересы въ наиболѣе тѣсную связь съ интересами государственной казны. Реформаторы, столичные душевладѣльцы-бюрократы, были сами распорядителями казенныхъ суммъ,—имъ было естественнѣе всего выступить въ роли поборниковъ интереса „государственнаго" противъ притязаній губернскихъ душевладѣльцевъ-бюрократовъ и противъ вожделѣній дворянскихъ отбросовъ, негодныхъ даже для службы въ тогдашнихъ примитивныхъ сословныхъ и казенныхъ мѣстныхъ учрежденіяхъ.

Дѣятели реформъ не были борцами за освобожденіе трудящихся классовъ отъ всякаго угнетенія и всякой эксплоатаціи. Толкаемые впередъ стихійной силой развитія товарнаго хозяйства, они боролись противъ крѣпостничества ради собственныхъ интересовъ, боролись не противъ эксплоатаціи и господства вообще, а только за перемѣну формы эксплоатаціи и господства. Сторонники денежной формы зависимости, заступавшей мѣсто зависимости натуральной, они перешли въ либеральную исторію съ вѣнкомъ, на которомъ значится: „дѣятели освободительнаго движенія". Идеологическіе (поскольку въ ихъ дѣятельности былъ элементъ идеологическій) провозвѣстники капиталистической эксплоатаціи, они фактически открывали двери прежде всего „нашей

оппозиціи“, хищнику-экспропріатору эпохи первоначальнаго накопленія. Крѣпостники быстро сообразили это: они поняли выгоды своего превращенія и легко примирились съ „великими реформами“.

„Освободители были сторонниками общественнаго строя, соотвѣтствующаго новымъ требованіямъ эксплоатаціи и господства. Они были дѣятелями „прогресса“, какъ тогда выражались. И обратно: тогдашніе идеалистически-настроенные прогрессисты отдавали свои симпатіи правительству. „Вся лучшая, мыслящая часть русскаго народа рѣшительно склонилась на сторону передового правительства“,— писалъ Н. А. Серно-Соловьевичъ, самъ „склонявшійся“, а потомъ осужденный и погибшій въ Сибири за то, что готовность склоняться не подавила въ немъ желанія остаться „лучшей, мыслящей частью“ [1]). Всѣ либералы и демократическаго, и соціалистическихъ оттѣнковъ питали въ началѣ полнѣйшее довѣріе къ номинальнымъ иниціаторамъ освобожденія [2]). „Можно сказать, что у правительства въ дѣлѣ крестьянской реформы не было болѣе вѣрныхъ и болѣе преданныхъ слугъ въ то время, нежели декабристы и петрашевцы“ [3]).

Смыслъ „великихъ реформъ“ заключался въ политической реорганизаціи экономически - господствующаго класса примѣнительно къ требованіямъ товарнаго хозяйства. Дворянскій гербъ не повышаетъ стоимости товара; биржа не котируетъ красныхъ околышей. Привилегированная собственность должна была раствориться въ просто собственности.

---

[1]) А. Лемке. „Очерки освободительнаго движенія“ 60 г., С.-П.-Б. 1908 г., стр. 50.

[2]) А. Тунъ. „Ист. рев. движенія въ Россіи“. Пер. В. Засуличъ, стр. 83.

[3]) А. А. Корниловъ. „Общ. движ. при Александрѣ II“. „Мин. Годы“, 1908, с. 9.

Пала привилегія владѣнія душами,—должны были идти на сломъ и перегородки въ области суда, налоговъ, мѣстнаго самоуправленія. „До сихъ поръ,—писалъ М. Н. Катковъ, привѣтствуя земскія учрежденія,—мы имѣли отдѣльныя гражданскія состоянія, чуждыя другъ другу, раздроблявшія народъ или скрывавшія его единство и препятствовавшія теченію его жизни. Теперь положено начало живой, цѣльной организаціи земства, основанной на всеобщемъ началѣ собственности“. Другими словами: шире дорогу „нашей оппозиціи“! Не примкнувшіе своевременно къ этой оппозиціи, растерявшіе реальную собственность владѣльцы титуловъ и красныхъ околышей исключались изъ состава земства, изъ состава правящаго класса; вмѣстѣ съ тѣмъ раскрывались объятія правящаго класса непривилегированному собственнику,—ростовщику, кабатчику, вчерашнему камердинеру, удачливой проституткѣ [1]). Преобразованные крѣпостники пополняли свой станъ; идеалисты-прогрессисты привѣтствовали зарю равноправія всѣхъ эксплоататоровъ.

Товаръ часто мѣняетъ владѣльца: ему понадобился судъ скорый. Товаръ не знаетъ родословнаго древа,—ему дали судъ равный для всѣхъ. Товаръ сталкиваетъ между собою собственниковъ по тысячѣ направленій,—онъ потребовалъ суда „праваго“.

Равный для всѣхъ судъ предполагается слѣпымъ къ сословнымъ и классовымъ преимуществамъ,—товаръ предпочитаетъ судъ милостивый. Все это было опять-таки очень прогрессивно... Стихійный ростъ товарнаго хозяйства ломалъ составъ политическихъ организацій. „Всѣ начальники отдѣльныхъ правительственныхъ ча-

---

[1]) Кажется, городу Харькову принадлежитъ честь перваго избранія въ городскіе гласные содержателя дома терпимости. Это былъ трогательный примѣръ торжества равноправія, основаннаго на „всеобщемъ началѣ собственности“.

стей,—говорилось въ рескриптѣ 13 мая 1866 года на имя кн. Гагарина,—должны имѣть въ виду содѣйствіе „силъ здравыхъ, охранительныхъ и добронадежныхъ". Для политической организаціи имѣть въ виду содѣйствіе какихъ-либо соціальныхъ группъ означаетъ, если исключить временные союзы и демагогію, оказывать содѣйствіе этимъ группамъ и быть, по своему составу, организаціей этихъ группъ. Въ упомянутомъ рескриптѣ резюмирующемъ эпоху реформъ, группы указаны вполнѣ опредѣленно. Это—„сословія, которымъ дороги права собственности, права обезпеченнаго и огражденнаго закономъ землевладѣнія, права общественныя, на законѣ основанныя и закономъ опредѣленныя", то-есть опять права собственниковъ. На содѣйствіе ихъ разсчитывали составители рескрипта, къ содѣйствію имъ же обязываются всѣ начальники: „надлежитъ по всѣмъ частямъ управленія оказывать полное вниманіе охраненію правъ собственности", пресѣкать возбужденіе вражды „противъ дворянства и вообще противъ землевладѣльцевъ".

Наконецъ, тѣми же соціальными элементами долженъ былъ опредѣляться самый составъ государственной организаціи: „надлежитъ пользоваться этими силами и сохранять въ виду ихъ важныя свойства при назначеніи должностныхъ лицъ по всѣмъ отраслямъ государственнаго управленія".

Рескриптъ 1866 года правильно оцѣнивалъ создавшееся соотношеніе соціальныхъ силъ и правильно учитывалъ его отраженіе въ политической области.

Вообще, при оцѣнкѣ общаго направленія правительственной политики какой бы то ни было страны меньше всего слѣдуетъ принимать во вниманіе личныя качества и пожеланія отдѣльныхъ политическихъ дѣятелей. Эти простыя истины постоянно упускались изъ виду современниками эпохи реформъ, нерѣдко упускаются

изъ виду и въ наши дни. Въ новогоднемъ номерѣ „Колокола“ (1860 г., № 60) А. Герценъ, не считаясь съ соотношеніемъ общественныхъ силъ, обрушился на имп. Александра II, который, будто бы, „какъ Фаустъ, вызвалъ духа не по силамъ и перепугался“. „Какая-то истощающая силы нерѣшительность,—продолжаетъ А. Герценъ,—шаткость во всѣхъ его дѣйствіяхъ и подъ конецъ совершенно ретроградные поступки. Онъ явнымъ образомъ хочетъ добра и боится его“. По мнѣнію А. Герцена, Александръ II боялся призраковъ. Въ наши дни, когда уже имѣется возможность болѣе глубокой оцѣнки эпохи реформъ, подобныя нападки на личность не должны имѣть мѣста. Но ходячая, обывательская политическая премудрость трудно уступаетъ позиціи. Приходится вести борьбу противъ вульгарнаго пониманія историческаго процесса.

Какъ на образчикѣ вульгарнаго истолкованія событій, можно остановиться на писаніяхъ Б. Б. Глинскаго, выпустившаго толстый томъ либерально-обывательской мудрости („Борьба за конституцію“). Ходячій либерализмъ относится сплошь почтительно-отрицательно къ носителямъ власти. Поэтому само собою разумѣется, что и имп. Александръ II не могъ вполнѣ угодить Глинскому, который приписываетъ главѣ правительства роль не только руководителя, но и почти первоисточника реформъ. „Реакціонно-оппозиціонному дворянству,—говоритъ онъ, — былъ нанесенъ рукою самого императора рѣшительный ударъ (рескриптомъ Назимову), послѣ чего этому дворянству, несмотря на всю бушевавшую въ немъ злобу и неудовольствіе, осталось только покориться велѣніямъ неумолимой судьбы“. Не задаваясь вопросомъ, составляла ли реакціонная часть дворянства болѣе сильную или болѣе слабую его часть, Б. Б. Глинскій поясняетъ, почему реакціонерамъ оставалось только по-

кориться: „Самъ царь становился во главѣ опредѣленнаго движенія, и недовольнымъ элементамъ приходилось до времени смириться съ тѣмъ, чтобы исподволь и въ тиши ловкими ходами испортить впечатлѣніе великаго историческаго часа“ (стр. 536).

Передъ императоромъ,—по Б. Б. Глинскому,—стояли бюрократія, дворянство и „общество“. Дворянство онъ подбодрялъ и вызывалъ его самодѣятельность въ освободительномъ направленіи; изъ „бюрократіи“, которой никакихъ добродѣтелей по либеральному штату не полагается, возможно было только избирать людей, которые отрѣшились бы отъ личныхъ убѣжденій и вопреки своимъ интересамъ „преисполнились волею монарха“; что касается „общества“, уже преисполненнаго освободительными добродѣтелями, то передъ нимъ Александръ II виновенъ тѣмъ, что „не рѣшился на довѣріе“. По отсутствію довѣрія къ обществу дѣло реформы возложено было „исключительно на бюрократію и на дворянское сословіе“ (стр. 525). Остается даже непоставленнымъ вопросъ о томъ: существовало ли такое общество внѣ бюрократіи и дворянства, и гдѣ слѣдовало искать его?

Почему же Александръ II „не рѣшился на довѣріе“ къ общественнымъ передовымъ и интеллигентнымъ силамъ страны“? Прежде всего потому, что „подъема воли хватило у него ненадолго“, а затѣмъ вслѣдствіе того, что въ немъ самомъ „боролись два начала: сознаніе справедливости и законности того, во имя чего звучалъ общественный голосъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нерѣшимость разорвать съ традиціями, которыя связывали его съ наслѣдствіемъ отцовской старины и тѣми, кто этой старинѣ когда-то служилъ“. Впрочемъ, даже и Глинскій уже не въ состояніи ограничиться однѣми ссылками на степень воли или сознательности,—даже и онъ упоми-

наетъ о неуловимыхъ вліяніяхъ, давленіяхъ, препонахъ и затрудненіяхъ и т. д. [1]).

Изслѣдователи, хоть немного болѣе самостоятельные, чѣмъ Глинскій, ставятъ на первое мѣсто именно давленія и вліянія. Такъ, напримѣръ, А. А. Корниловъ признаетъ неизбѣжнымъ назначеніе на мѣсто умершаго Ростовцева крѣпостника Панина: назначеніе Милютина или Ланского вызвало бы такую травлю, такую массу открытыхъ нападеній и подпольныхъ интригъ, что превозмочь ихъ Александръ II не былъ бы въ состояніи. Извѣстно, что „открытыя нападенія и подпольныя интриги“ въ случаѣ недовольства главой правительства нерѣдко превращались въ цареубійство. Остается признать вслѣдъ за Фр. Энгельсомъ, что всѣ правительства, даже самыя абсолютныя, въ конечномъ счетѣ только осуществляютъ велѣнія хозяйственной жизни страны. Въ политической области эти велѣнія осуществляются черезъ борьбу классовъ, и никакіе абсолютизмы не могутъ нарушить закона классовой борьбы: абсолютизмъ самъ—не что иное, какъ одна изъ формъ организаціи классоваго господства.

Велѣнія экономическаго развитія привели къ замѣнѣ привилегированной собственности собственностью без-

---

[1]) Между прочимъ онъ разражается слѣдующей тирадой, которую приходится всецѣло оставить на его отвѣтственности:

„На комъ еще большая отвѣтственность въ трагическомъ событіи 1 марта 1881 года—большой вопросъ, и если капли крови скатываются съ былыхъ листковъ „Народной Воли“, то слѣды такихъ же капель можно найти на страницахъ тѣхъ офиціозныхъ и покровительствуемыхъ изданій, которыя благополучно на казенныя средства существуютъ и поднесь; если слѣды жестокихъ заговоровъ обрисовываются въ описаніи былыхъ конспиративныхъ квартиръ семидесятыхъ и восьмидесятыхъ годовъ, то такіе же слѣды можно найти и въ тѣхъ офиціальныхъ канцеляріяхъ и разнаго рода гостиныхъ и кабинетахъ, которымъ не для чего было кутаться мракомъ таинственности и бояться бдительнаго полицейскаго надзора“ (стр. 514—515).

сословной. Но словомъ „безсословность“ не все сказано. Безсословная собственность можетъ имѣть различный характеръ въ зависимости отъ роли въ хозяйственной жизни страны. Собственность капиталистическая—далеко не единственная категорія безсословной собственности. Въ исторіи между паденіемъ сословной собственности (крѣпостного права) и превращеніемъ большинства собственниковъ въ капиталистовъ лежалъ болѣе или менѣе длительный періодъ отдѣленія производителей отъ средствъ производства.

Крестьяне были освобождены съ землей. Оставляя въ сторонѣ такой мотивъ оставленія части земли въ рукахъ крестьянъ, какъ боязнь новой пугачевщины, коснусь лишь цѣлей реформаторовъ: этими цѣлями опредѣлился еели не самый фактъ оставленія земли за крестьянами, то, по крайней мѣрѣ, размѣръ надѣла.

Земля, по мысли законодателя, оставлялась крестьянину въ той мѣрѣ, въ какой она ему была необходима для обезпеченія быта и для выполненія обязанностей передъ правительствомъ и помѣщикомъ. Другими словами: крестьянинъ былъ нуженъ господствующему классу постольку, поскольку онъ могъ выполнять повинности; земля оставлялась крестьянину въ той мѣрѣ, въ какой онъ нуждался въ ней, чтобы оставаться исправнымъ плательщикомъ. Предполагалось, слѣдовательно, что и отдѣльные помѣщики, и организація помѣщиковъ (государство) будутъ строить свое благополучіе на трудѣ мелкаго хозяина-собственника. Этотъ планъ являлся отраженіемъ крѣпостническихъ воззрѣній и навыковъ господствующаго класса. Онъ былъ обреченъ на неудачу, такъ какъ находился въ противорѣчіи съ новыми хозяйственными потребностями и съ интересами самого обновленнаго господствующаго класса.

Хозяйственнымъ развитіемъ опредѣлялись отдѣленіе

работника отъ средствъ производства и концентрація производства въ рукахъ болѣе крупныхъ собственниковъ, а обезпеченный въ своемъ бытѣ и выполненіи повинностей крестьянинъ не идетъ въ наемники капитала. Новому собственнику земли и денегъ нуженъ былъ не „обезпеченный“ землею крестьянинъ, а какъ разъ напротивъ—ничѣмъ не обезпеченный пролетарій. Государство собственниковъ должно было, въ интересахъ своего класса, прежде всего отдѣлить работника отъ средствъ производства. Началась вакханалія новаго, ничѣмъ не сдерживаемаго, торжествующаго хищничества. Тонъ эпохи даетъ такъ наз. „первоначальное накопленіе“.

На частномъ примѣрѣ можно достаточно уяснить себѣ отличіе новой эпохи крѣпостного хозяйства. Возьмемъ политику господствующаго класса относительно обширныхъ площадей государственной и вообще не занятой населеніемъ земли. До реформы и послѣ реформы тутъ—рѣзкая разница.

Крѣпостническому государству нуженъ былъ для выполненія повинностей обезпеченный въ бытѣ хозяинъ,—государственный крестьянинъ. И къ обезпеченію его быта прилагались усилія. Если вслѣдствіе прироста населенія надѣлъ падалъ ниже нормы въ 5 десятинъ на душу, а поблизости не было свободной казенной земли, то часть крестьянъ назначалась къ переселенію. Переселенцы освобождались на шесть лѣтъ отъ воинской повинности, на 4 года отъ всякихъ податей, на слѣдующіе 4 года отъ половины податей; по дорогѣ для нихъ заготовлялось казенное продовольствіе, на мѣстѣ новаго поселенія—хлѣбъ, сѣно, скотъ, орудія. За время 1831—1866 гг. такимъ образомъ были переселены 320.000 душъ государственныхъ крестьянъ.

Послѣ реформы картина мѣняется. По старой памяти кое-гдѣ еще допускались переселенія государственныхъ

крестьянъ на свободныя казенныя земли, но какъ неизбѣжное зло, противъ котораго нужно было бороться. Въ 1876—81 годахъ министру внутреннихъ дѣлъ было подано около тысячи прошеній о разрѣшеніи переселиться, и на всѣ прошенія послѣдовалъ отказъ, мотивированный „отсутствіемъ законныхъ основаній". А въ это самое время оказывалось полное „присутствіе законныхъ основаній" для самаго безшабашнаго расхищенія казенныхъ и крестьянскихъ земель членами господствующаго класса. Разоблаченіе этихъ хищеній въ печати вызывало противъ авторовъ обвиненіе въ потрясеніи основъ, нигилизмѣ, соціализмѣ, въ возбужденіи ненависти и презрѣнія между сословіями. Тѣмъ не менѣе фактовъ было опубликовано въ свое время много.

„Законныя основанія" земельнаго хищничества были найдены тѣми, кому они были нужны. Это были: продажа и обмѣнъ казенныхъ земель, подложные приговоры объ отчужденіи земель общественныхъ и административныя репрессіи противъ крестьянъ, обращавшихся въ судъ за возстановленіемъ своихъ правъ. „Продавались" за гроши участки казенной земли наиболѣе доходные, иногда уже занятые переселенцами или находившіеся въ арендѣ у крестьянъ. О характерѣ „продажъ" можно судить по цѣнамъ. Напримѣръ, въ Уфимской губ. участокъ въ 1017 десятинъ „покупается" у казны за 4804 р. и перепродается крестьянамъ за 25,000 р.; соотвѣтственная цѣна другого участка 506 р. и 15,000 р. и т. д. „Беззастѣнчивость при распредѣленіи участковъ при продажѣ ихъ въ частныя руки не имѣла границъ. Отецъ получаетъ 6000 дес. земли, сыновья и дочери—по 1—2 тысячѣ; сынъ женится,—получаютъ родственники жены; дочь выходитъ замужъ,—ей уступается участокъ, какъ приданое, продается участокъ родственникамъ мужа"

и т. д. [1]). Въ одной Самарской губерніи было такимъ образомъ расхищено 700,000 дес.; въ Черноморскомъ округѣ—болѣе 100,000 дес. Общее же количество расхищенной съ 1861 по 1881 годъ казенной, крестьянской и инородческой земли считается многими милліонами десятинъ. Памятникомъ этой эпопеи остался разсказъ Щедрина о петербургскихъ разговорахъ.

— „Помню, иду я въ разгаръ одного изъ такихъ дѣлежей по Невскому и думаю, непремѣнно встрѣчу кого-нибудь изъ знакомыхъ, который хоть что-нибудь да утащилъ, узнаю, какъ и что, да тутъ же ужъ кстати и поздравлю съ благополучнымъ похищеніемъ. И точно: едва я успѣлъ сойти съ Аничкина моста, смотрю,—его превосходительство Петръ Петровичъ идетъ.

— Урвали? — спрашиваю.

— Помилуйте! На что похоже! Выбросили кусокъ, да еще ограничиваютъ! Говорятъ: пользуйся такъ-то и такъ-то: лѣсу не руби, травы не мни, рыбы не лови. А главное,—не смѣй продавать, а эксплоатируй постепенно самъ. Вѣдь только у насъ могутъ проходить даромъ подобныя нелѣпости.

— Сс... да вѣдь, я думаю, это больше на бумагѣ, а на дѣлѣ, вѣроятно...

— Еще бы! Поймите: развѣ естественно, чтобы человѣкъ самъ себѣ зложелательствовалъ? Лѣсу не руби! Ахъ, чортъ побери! Да я сейчасъ весь лѣсъ на срубъ продалъ... ха-ха!

Пройдя еще нѣсколько шаговъ, встрѣчаю его превосходительство Ивана Ивановича.

— Урвали?

— Получилъ между прочимъ и я; да, кажется, только грѣхъ одинъ. Помилуйте, плѣшь какую-то отвалили!..

---

[1]) „Отеч. Зап.“ 1882 г., № 1, Вн. Об.

А коллегѣ моему Ивану Семенычу — оба вѣдь подъ одной державой служимъ — тому такое же количество лѣса на подборъ дерево къ дереву отвели! да при рѣкѣ! да въ семи верстахъ отъ пристани! Нѣтъ, батенька, не доросли мы! Ой-ой, какъ еще не доросли! Оттого у насъ подобныя дѣла и могутъ проходить даромъ!

Еще нѣсколько шаговъ, — идетъ навстрѣчу его превосходительство Терентій Терентьевичъ. Этотъ даже вопроса не выждалъ: прямо заливается—хохочетъ.

— Ха-ха! вѣдь и меня надѣлили! Какъ же! Заполучилъ-таки тысячи двѣ чернозему. Вотъ такъ потѣха была! Хотите?—говорятъ. Ну, какъ, молъ, не хотѣть! Съ моимъ, говорю, удовольствіемъ. А, какова потѣха! Да, батенька, только у насъ такія дѣла могутъ проходить даромъ! Да-съ, только у насъ! Общественнаго мнѣнія нѣтъ, печать безмолвствуетъ,—валяй по всѣмъ по тремъ! Ха-ха!"

Примѣръ, только что приведенный, свидѣтельствуетъ о томъ, что пореформенное государство, концентрирующее общую тенденцію своего класса, заботилось уже не столько о сохраненіи хозяйства мелкаго производителя, сколько объ отдѣленіи работника отъ средствъ производства: оно выполняло задачу эпохи первоначальнаго накопленія и не въ одной области земельной политики. Еще въ большей мѣрѣ—въ области податной: здѣсь политическая организація (политически-организованное общество первоначальнаго накопленія) черезъ свои безчисленные органы занималась перекачиваніемъ мужицкихъ доходовъ въ карманы своихъ сочленовъ: администраторовъ, предпринимателей, банкировъ. Она же охраняла и поощряла функціонированіе ростовщическаго и посредническаго капитала. Само собою разумѣется, что хозяйственный характеръ эпохи опредѣлилъ ея соціальныя и политическія формы, опредѣлилъ и общественную идеологію.

Таковы внѣшнія условія, въ которыхъ зародилась и развивалась въ пореформенную эпоху демократическая мысль, отражавшая „интересы народа“, подъ которымъ разумѣлся весь слой населенія, не пріобщившійся къ торжествующимъ верхамъ: сюда, въ понятіе „народа“, входили и обезземеленные пролетаріи, и крестьянинъ, стоявшій на пути къ обнищанію и обезземеленію, и такъ называемый „разночинецъ“,—предшественникъ будущей „интеллигенціи“.

Ознакомимся съ нѣкоторыми характерными чертами тогдашней демократической мысли.

II.

При ознакомленіи съ политическими документами начала 60-хъ годовъ поражаетъ увѣренность авторовъ въ близости революціи въ Россіи. Даже политичный А. Герценъ высказывалъ въ 1862 году мысль, что приближается что-то великое, чѣмъ воздухъ полонъ, чѣмъ земля колеблется, но чего еще нѣтъ.

М. Бакунинъ не скрывалъ отъ себя, что „теперь народъ за царя и противъ дворянства, и противъ чиновничества, и противъ всего, что носитъ нѣмецкое платье. Для него всѣ враги въ этомъ лагерѣ офиціальной Россіи,—всѣ, кромѣ царя. Кто же станетъ говорить ему противъ царя? А если бы кто и сталъ говорить, развѣ народъ ему повѣритъ? Не царь ли освободилъ крестьянъ противъ воли дворянъ, противъ совокупнаго желанія чиновничества? Революціонная пропаганда еще не нашла къ нему доступа... никогда еще не чувствовался такъ сильно разрывъ между народомъ и нами“... И все-таки Бакунинъ въ той же статьѣ 1862 года признаетъ, будто времена съ каждымъ днемъ становятся серьезнѣе, будто засвѣтилось первое слабое зарево пожаровъ, которыми гро-

зитъ кровавая русская революція. „Неужели,—восклицаетъ онъ,—въ Петербургѣ не понимаютъ, что революція уже началась? Въ 1863 году быть въ Россіи страшной бѣдѣ, если царь не рѣшится созвать всенародную земскую думу". Русское правительство вступило, — думалъ М. Бакунинъ, — въ „фазисъ самоуничтоженія: оно помышляетъ о либеральныхъ реформахъ, мы ожидаемъ революцію. Система такая ложная, такая провокаціонная, что не способна къ улучшеніямъ, но можетъ быть разрушительна. Россія находится наканунѣ радикальной и громадной революціи, которую когда-либо видѣлъ свѣтъ".

Н. Серно-Соловьевичъ считалъ разложеніе старой государственной системы несомнѣннымъ и безспорнымъ фактомъ: „представитель старой системы, власть первая нанесла ей смертельный ударъ и взялась за созданіе новаго порядка. Но, служа воплощеніемъ того, противъ чего теперь дѣйствуетъ, она поставила себя въ положеніе невозможное. Въ литературѣ органы всѣхъ мнѣній выражаютъ недовольство настоящимъ, стремятся создать свои собственные идеальчики".

„Русской землѣ грозитъ волненіе, электричество рѣетъ въ воздухѣ, гроза собирается со всѣхъ сторонъ. У васъ въ рукахъ снарядъ громоотвода",—писалъ имп. Александру II Т. А. Мартьяновъ.

— Россія вступаетъ въ революціонный періодъ своего существованія, правительство ведетъ Россію къ пугачевщинѣ, общее возстаніе наступитъ лѣтомъ 1863 года,— слышится со всѣхъ сторонъ.

— „Укажите намъ людей, довольныхъ правительствомъ!—восклицаютъ составители знаменитаго воззванія „Къ молодому поколѣнію":—Адлерберги да Муравьевы, наживающіеся добромъ, содраннымъ съ народа? Десять человѣкъ, изъ-за которыхъ страдаютъ 60 мил-

ліоновъ... Мы не знаемъ ни одного сословія въ Россіи, которое бы не было оскорблено императорской властью. Обижены всѣ. У правительства нѣтъ болѣе почвы, оно разлагается".

Обижены всѣ! Фактъ довольно странный, которому трудно было бы повѣрить, если бы мы не имѣли подтвержденія со стороны болѣе серьезнаго и опытнаго А. Герцена. „Неурядица въ Россіи и лихорадочное волненіе,—говоритъ онъ въ статьѣ по поводу листка „Молодая Россія", — идетъ оттого, что правительство хватается за все и ничего не выполняетъ, что оно дразнитъ всѣ святыя стремленія человѣка и не удовлетворяетъ ни одному, что оно будитъ и бьетъ по головѣ проснувшихся"...

Виновата, слѣдовательно, неустойчивость правительства, непослѣдовательность его политики. Конечно, отъ обвиненія въ неустойчивости еще далеко до стремленія къ насильственной революціи. Но при извѣстныхъ условіяхъ можетъ дѣйствительно создаться иллюзія сильно распространеннаго революціоннаго настроенія. И условія политической жизни эпохи были очень благопріятны для созданія такой иллюзіи.

Не забудемъ, что Россія дѣйствительно переживала моментъ ломки старыхъ экономическихъ основъ и приспособляла форму политической организаціи экономически господствующаго класса къ требованіямъ обновленной хозяйственной жизни. Ломка не могла обойтись безъ борьбы, безъ того, что задѣвались экономическіе интересы массы лицъ. Но борьба шла въ первую очередь внутри правящаго класса, задѣвались интересы этого класса; и какъ только было достигнуто соглашеніе сторонъ въ главномъ,—въ вопросѣ о личной зависимости крестьянъ, объ отрѣзкахъ и выкупѣ,—правящій классъ былъ уже гарантированъ отъ междоусобной вой-

ны. Осталась борьба по второстепеннымъ вопросамъ и на почвѣ проведенія въ жизнь принятыхъ принциповъ соглашенія.

Въ государствѣ съ цензовымъ представительствомъ и отвѣтственнымъ министерствомъ періодъ послѣ 1861 года характеризовался бы дробной группировкой парламентскихъ фракцій, ихъ неустойчивостью и частой смѣной министерства. Правительство того или иного временнаго большинства имѣло бы враговъ и друзей и такъ называемое болото. Но въ Россіи не было отвѣтственнаго министерства, не могло быть смѣны лицъ въ составѣ высшей власти: несмѣняемый глава правительства долженъ былъ принимать на себя нападки со всѣхъ сторонъ. Получалось впечатлѣніе всеобщаго недовольства.

Недовольства противъ „деспотизма“. Когда правительство рѣшительно стало на путь реформъ и вся „мыслящая часть“ общества „склонилась“ на его сторону, противъ деспотизма и „бюрократіи“ подняли вопль сторонники натуральныхъ формъ зависимости (крѣпостники). Тогда А. Герценъ высказывалъ опасеніе за личную безопасность имп. Александра II: „на него легло не одно обычное помазаніе на царство, на него легло почти таинственное помазаніе мученика за Россію“ („Колоколъ“, № 42—43). Въ другихъ случаяхъ А. Герценъ высказываетъ свои опасенія еще болѣе опредѣленно. Напримѣръ, дворяне „могутъ одно сдѣлать—убить государя изъ-за угла; на это никакой силы не надобно, а надо быть только злодѣемъ. Въ кастѣ, которая поджариваетъ на плитѣ живыхъ женщинъ и засѣкаетъ здоровыхъ мужчинъ, найдется ихъ вѣроятно довольно“. Этому, впрочемъ, утѣшаетъ А. Герценъ, „каждый подверженъ, какъ тифусу или холерѣ“ („Колоколъ“ 1 янв. 1860 г., № 60). Когда же было достигнуто соглашеніе между борющимися частями помѣщичьяго класса и правительственная поли-

тика получила соотвѣтственный новый курсъ,—этотъ новый курсъ сталъ разсматриваться „мыслящей частью“ не какъ результатъ партійной борьбы, отражающей борьбу классовыхъ интересовъ, а какъ результатъ единоличной воли царя. Тотъ же Герценъ переходитъ отъ защиты къ нападенію, слѣдующимъ образомъ формулируя причины своего недовольства:

„Нельзя желать гласности и усиливать цензуру. Нельзя желать просвѣщенія и гнать студентовъ отъ университетскихъ воротъ. Нельзя стать со стороны народа и называться первымъ дворяниномъ. Нельзя желать гласнаго суда и держать гайдука юстиціи Панина. Нельзя желать законности и имѣть въ своей собственной канцеляріи цѣлое отдѣленіе шпіоновъ“. Однимъ словомъ,—можемъ мы резюмировать сущность рѣчи Герцена,—нельзя желать и не исполнить своего желанія. Оставалось бы спросить: возможно ли исполненіе желанія въ тѣхъ случаяхъ, когда на пути къ исполненію лежитъ встрѣча съ явленіями, аналогичными по своимъ послѣдствіямъ, какъ выражался Герценъ, „тифусу или холерѣ“? Если А. Герценъ, вопреки очевидности, отвѣчаетъ на этотъ вопросъ утвердительно, то источника этой ошибки слѣдуетъ искать въ тѣхъ примитивныхъ взглядахъ на сущность государства, которыми характеризуется эпоха 60-хъ годовъ.

Мы слышали признаніе Бакунина: среди крестьянства того времени не было мысли о политическомъ протестѣ. Какъ разъ напротивъ. И революціонное движеніе эпохи началось не изъ среды угнетенной массы, а со стороны дворянской молодежи. Съ паденіемъ крѣпостного права эта молодежь увидѣла себя вынужденной строить жизнь по-новому, искать новыхъ путей приложенія своихъ силъ. Какъ отчасти и сами дѣятели „великихъ реформъ“, молодежь разсчитывала на скорое,—безъ задержекъ и

помѣхи,—введеніе въ нашу жизнь институтовъ европейскаго буржуазнаго строя.

Она охотно рвала съ привилегіями своего сословія, такъ какъ эти привилегіи уже не представляли экономической цѣнности. Тѣмъ болѣе ей приходилось дорожить институтами буржуазнаго строя. Обратите вниманіе на пункты недовольства, высказанные А. Герценомъ: они заключаютъ въ себѣ требованіе свободы печати, гласнаго суда, безсословности государственной власти, проведенія въ жизнь принципа законности. Все это, какъ и университетская наука,—необходимыя условія капиталистическаго производства.

Вокругъ себя молодежь непрерывно слышала либеральные разговоры сторонниковъ денежной формы зависимости (вмѣсто натуральной,—крѣпостничества) и либеральное сквернословіе „нашей оппозиціи" въ смыслѣ А. В. Никитенко. Это сквернословіе также сыграло свою роль, претворяясь въ головахъ молодежи, получая болѣе чистое, идейное содержаніе.

Натуральная форма зависимости предполагаетъ меньшую денежную силу экономически-господствующаго класса. Экономическая зависимость въ каждомъ частномъ случаѣ поддерживается не столько рублемъ, сколько дубьемъ. Она предполагаетъ организацію систематическаго грубаго насилія надъ личностью крѣпостного крестьянина и вмѣстѣ съ тѣмъ—напряженную мобилизацію силъ господствующаго класса по военному образцу, на іерархическомъ началѣ. Насиліе и произволъ надъ низшими покупаются цѣною раболѣпія передъ высшими.

Сознаніе возможности иныхъ, кромѣ дубья, формъ подчиненія трудящейся массы пробуждаетъ въ самомъ владѣльцѣ крѣпостныхъ душъ настроеніе, высказанное Чацкимъ: „служить бы радъ, прислуживаться тошно". Разрушая натуральное хозяйство, подкапываясь подъ

крѣпостное право, товаръ пробуждаетъ сознаніе своей личности у дворянина; это сознаніе усиливалось во много разъ съ открытымъ провозглашеніемъ ликвидаціи стараго порядка,—и дворянская молодежь пропитывалась отрицательнымъ отношеніемъ къ іерархической организаціи. Лозунгъ „долой бюрократію", пущенный крѣпостниками въ борьбѣ противъ центральной организаціи дворянства, приступившей къ ликвидаціи крѣпостной зависимости, былъ подхваченъ молодежью и вообще идеологами денежнаго хозяйства, при чемъ старымъ словамъ былъ приданъ новый смыслъ.

По мѣрѣ того, какъ вмѣсто оппозиціи (реформаторовъ) завладѣвала политической властью „наша оппозиція", росло разочарованіе молодежи, усиливалось ея недовольство. Но первоначально тщетно стали бы вы искать у нея принципіально отрицательнаго отношенія къ дворянству или къ высшей власти.

Гдѣ у насъ люди, способные предъявить свои требованія?—спрашиваютъ составители воззванія „Къ молодому поколѣнію" и прежде всего обращаютъ взоръ именно къ дворянству. Но оказывается, что на дворянъ нельзя надѣяться въ дѣлѣ разрушенія іерархической организаціи: „въ дворянство мы не вѣруемъ, оно показало уже свое безсиліе, непониманіе своихъ выгодъ и неумѣнье пользоваться обстоятельствами. Когда государь сказалъ имъ: я хочу, чтобы вы отказались отъ своихъ правъ на крестьянъ,—имъ слѣдовало отвѣтить: государь, мы согласны, но и вы должны тоже отказаться отъ безусловной власти; вы ограничиваете насъ, мы хотимъ ограничить васъ. Это было бы послѣдовательно, и въ рукахъ дворянства была бы конституція. Дворянство струсило, въ немъ недостало единодушія, и теперь очередь не за нимъ". Революціонная молодежь, такимъ образомъ, отрекалась отъ дворянства не за то, что оно

тормозило и урѣзывало реформу 19 февраля, а за то, что оно будто бы не понимало своихъ выгодъ, за то, что ради своихъ выгодъ не тормозило реформы требованіемъ конституціи.

Поскольку, однако, еще оставалась надежда, что дворянство пойметъ свои выгоды, постольку революціонеры готовы были признать за нимъ „очередь". Правители губятъ страну, — восклицалъ въ 1862 году М. Бакунинъ,—губятъ тѣмъ, что ведутъ ее къ революціи. Поэтому всѣмъ истиннымъ консерваторамъ, всѣмъ „купцамъ, попамъ и дворянамъ, чиновникамъ военнымъ и гражданскимъ, любящимъ спокойствіе и миръ и желающимъ сохранить жизнь, имущество, женъ, сестеръ и дѣтей", Бакунинъ совѣтуетъ спѣшить съ составленіемъ „громаднаго консервативнаго общества"; это общество должно потребовать земскаго собора, какъ единственнаго средства „для предотвращенія кровавой разрушительной катастрофы".

Забота о предотвращеніи катастрофы выражалась, такимъ образомъ, у правительства и у революціонеровъ одинаково сильно. Извѣстна рѣчь Александра II къ московскимъ дворянамъ, извѣстно поведеніе Я. Ростовцева, какъ предсѣдателя редакціонныхъ комиссій. Часть дворянства, выступившая на борьбу за отмѣну натуральной зависимости (крѣпостного права) и стоявшая у власти, грозила прочимъ дворянамъ пугачевщиной, чтобы парализовать крѣпостническую оппозицію; въ то же время эта часть дворянства употребляла всѣ усилія, чтобы дезорганизовать реакцію. „Мыслящая часть" въ это время стоитъ на сторонѣ правительства и еще меньше немыслящей части рѣшается говорить о конституціи. Но вотъ главный вопросъ рѣшенъ,—среди дворянъ въ общемъ достигнуто единодушіе въ дѣлѣ земельной экспропріаціи крестьянства,—и тогда Бакунинъ призываетъ

„купцовъ, дворянъ, поповъ“ и проч. организоваться для борьбы противъ возможной „катастрофы“ со стороны недовольныхъ массъ.

Опасность катастрофы, боязнь ея несомнѣнно играли роль въ народолюбіи интеллигенціи того времени. Рѣдко кто, — какъ авторы воззванія „Къ молодому поколѣнію“, — рѣшался заявлять: „мы смѣло идемъ навстрѣчу революціи, мы даже желаемъ ея“. Несравненно чаще слышится какъ разъ обратный мотивъ. Дворянская молодежь, подобно остальному дворянству, вѣрила въ близость и опасность пугачевщины. Нужно было спасать себя.

Въ расчетѣ на это настроеніе и пишетъ часто М. Бакунинъ, самъ лично, — ни по своему положенію, ни по своимъ воззрѣніямъ, — конечно, не опасавшійся революціи, а желавшій ея. Опасно болтать, преступно болтать, — говоритъ онъ, призывая читателей къ дѣлу. Почему опасно болтать? Потому что дѣло идетъ „о спасеніи себя, семьи, имущества, о спасеніи Россіи отъ кровавыхъ несчастій, отъ конечнаго разоренія“. Не въ томъ вопросъ, будетъ ли революція, а въ томъ, будетъ ли она кровавой. Если царь не приступитъ къ кореннымъ преобразованіямъ, то революція, — грозитъ Бакунинъ, — „приметъ характеръ безпощадной рѣзни, — не вслѣдствіе прокламацій и заговоровъ восторженной молодежи, а вслѣдствіе возстанія всенароднаго“.

Въ Россіи, — констатируетъ онъ далѣе, — есть теперь страхъ сильнѣе страха правительственныхъ репрессій: это — страхъ народнаго воздаянія; а если „придется выбирать между топоромъ и висѣлицей, такъ, разумѣется, лучше пасть съ сознаніемъ высокаго подвига, чѣмъ жертвою рокового недоразумѣнія народнаго“... „Времени, можетъ быть, осталось немного, употребимъ его, — призываетъ Бакунинъ дворянскую молодежь, — на сближеніе

съ народомъ во что бы то ни стало, дабы онъ призналъ насъ своими и позволилъ бы намъ спасти хоть нѣсколько жертвъ!“ И воображенію молодыхъ читателей рисовалась картина того, какъ благодаря своему народолюбію они спасаютъ отъ смерти, вырываютъ изъ рукъ разъяренной толпы крестьянъ своихъ родителей, сестру, любимую дѣвушку.

Было бы грубой ошибкой думать, что страхъ передъ возстаніемъ былъ единственнымъ источникомъ демократическихъ настроеній дворянской молодежи 60-хъ годовъ; но что этотъ страхъ подхлестывалъ дворянскую молодежь, что онъ окрылялъ ея платоническое народолюбіе готовностью на непосредственныя жерты,—это несомнѣнно.

Сопоставляя призывы необузданнаго эмигранта Бакунина съ подцензурной рѣчью умѣреннаго проф. П. В. Павлова, приходится придти къ заключенію, что не съ лукавымъ оборотомъ рѣчи, а съ дѣйствительной мыслью оратора мы имѣемъ дѣло, когда читаемъ въ нашумѣвшей когда-то рѣчи профессора: „Если не ошибаемся, образованные, достаточные классы въ Россіи поняли, что въ *виду возможнаго историческаго переворота* благоразуміе имъ повелѣваетъ сблизиться съ невѣжественными, недостаточными классами въ городахъ и въ селахъ какъ къ несомнѣнной выгодѣ этихъ классовъ, такъ еще болѣе въ видахъ собственной пользы. Наши просвѣщенные, достаточные классы, повидимому, добровольно хотятъ отказаться отъ своихъ неважныхъ преимуществъ и привести въ равновѣсіе свои интересы съ интересами низшихъ разрядовъ общества... Одно это соединеніе всѣхъ интересовъ можетъ спасти Россію отъ великихъ бѣдствій, могущихъ угрожать ей“.

Громъ не грянетъ,—мужикъ не перекрестится. Страхъ—сильнѣйшій стимулъ покаянія. Народолюбіе, обусловлен-

ное потерей вѣры въ хранительную силу правительства и подхлестываемое страхомъ близкаго возстанія, находится въ тѣснѣйшей связи съ нарожденіемъ типа „кающагося дворянина“, впослѣдствіи опоэтизированнаго. Несомнѣнно, часть (небольшая) дворянской молодежи, настроенная идеалистически и толкаемая впередъ по мѣрѣ выясненія слагающагося типа государства, скоро перешла отъ покаянія къ полному и безповоротному разрыву съ своимъ привилегированнымъ прошлымъ.

Она хотѣла бы, можетъ быть, остановиться въ этомъ разрывѣ на сліяніи съ буржуазнымъ обществомъ въ европейскомъ смыслѣ слова, если бы это общество было налицо и представляло собою силу. Авторы воззванія „Къ молодому поколѣнію“ очень горячо писали въ защиту „аристократіи мысли“,—„литераторовъ, поэтовъ, ученыхъ, художниковъ, фабрикантовъ“—тѣхъ людей, „въ произведеніяхъ которыхъ высказывается геній и всѣ способности народа, которые составляютъ гордость и славу націй“. Къ несчастью, такого общества, притомъ сколько-нибудь замѣтнаго по своей силѣ, не существовало. Возражая „Великоруссу“, одинъ изъ авторовъ воззванія „Къ молодому поколѣнію“ указываетъ, что русское „общество“—это помѣщики-чиновники, у которыхъ одни начала, одни стремленія съ правительствомъ, общность интересовъ; между ними не можетъ быть серьезной вражды,—возможна только размолвка о томъ, какъ поровнѣе дѣлиться правомъ тѣснить народъ. „Къ тому же это общество точно такъ же дрябло и безсильно, какъ правительство, которому оно постоянно служило дворней“.

Къ кому же оставалось обратиться? Къ пролетаріату? Но вѣдь еще шелъ споръ не только о существованіи, но даже о возможности у насъ пролетаріата. Возможность эта если и представлялась въ будущемъ, то пред-

ставлялась, какъ зло: „Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастію: къ благосостоянію политическому и экономическому, или къ экономическому и политическому *пролетаріату*. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или другому". Само собой разумѣлось, что при такомъ свободномъ выборѣ не могло быть и рѣчи о предпочтеніи для России ея несчастья,—„экономическаго и политическаго пролетаріата".

Для послѣдовательно кающагося дворянина оставался одинъ исходъ,—стать на точку зрѣнія интересовъ мелкаго производителя (крестьянина), слиться идеологически съ крестьянствомъ, проникнуться крестьянской политической идеологіей, лишь нѣсколько подновленной и очищенной отъ слишкомъ явныхъ заблужденій,—продуктовъ простого незнанія фактовъ. Изъ числа привилегированной молодежи, пошедшей по этому пути, вышли впослѣдствіи самоотверженные энтузіасты; они давали тонъ движенію; къ нимъ примкнулъ поднимавшій голову разночинецъ. Именно сознаніе своего происхожденія изъ высшаго класса заставляло нашихъ революціонеровъ,—даже много времени спустя,—толковать о своемъ долгѣ народу [1]).

Большинство „народолюбцевъ изъ страха", конечно, не пошло и, въ силу своего классоваго положенія, не могло пойти по этому пути. Лучшее, что могло оно сдѣлать,—это образовать изъ себя зародышъ будущаго буржуазнаго „общества". Уже А. Герценъ въ 1862 году подмѣтилъ характерныя черты кающагося дворянства, называлъ послѣднее „шляхетной Магдалиной" и сравнивалъ его покаяніе съ поведеніемъ человѣка, который, потерявши устрицу, рѣшается бросить раковину. Истинная

[1]) Ср. Г. В. Плеханова „Наши разногласія", стр. 258, изд. 1906 г.

физіономія массы кающагося дворянства выяснилась въ шумѣ, поднявшемся по поводу воззванія „Молодая Россія“.

Это воззваніе вообще не встрѣтило сочувствія. Герценъ находилъ, что „оно вовсе не русское“, что это — одна изъ варіаций на тему западнаго соціализма; совпаденіе ея появленія съ петербургскими пожарами усугубило, по его мнѣнію, ошибку авторовъ. М. Бакунинъ обвинялъ послѣднихъ въ доктринерскомъ пренебреженіи къ народу, въ „нецеремонномъ, безтактномъ и легкомысленномъ обращеніи съ великимъ дѣломъ освобожденія“. Тѣмъ не менѣе А. Герценъ счелъ себя вынужденнымъ обрушиться на „дѣйствительно честныхъ, но слабыхъ людей“ за ихъ отношеніе къ возванію: чего они испугались? Вѣдь они сами не вѣрятъ въ то, чтобы листокъ могъ имѣть вліяніе! Между тѣмъ „мужественные либералы и гранитные прогрессисты, отважные защитники правъ и свободы книгопечатанія“ тотчасъ побѣжали, при появленіи листка, подъ „крылышко полиціи“.

Чего же испугались кающіеся дворяне, гранитные прогрессисты? Я думаю, правъ А. Герценъ, когда говоритъ, что страхъ не вызванъ боязнью непосредственнаго возстанія подъ вліяніемъ прокламаціи. Рѣчь о возстаніи была не нова для „бельэтажнаго хора трусовъ, разслабленныхъ, чающихъ легкаго движенія прогресса“ (слова А. Герцена). Что бросается въ глаза при чтеніи этого воззванія если не какъ новое, то какъ особенно рѣзко проведенное,—это взглядъ на отношеніе между правительствомъ и обществомъ. Въ цитированномъ выше „Отвѣтѣ Великоруссу“ авторъ уже пришелъ къ отожествленію „общества“ и помѣщиковъ-чиновниковъ, но ставитъ это общество еще только рядомъ съ правительствомъ, не отожествляя того и другого. Такимъ образомъ рѣчи, направленныя противъ правительства, не задѣвали непосредственно самого „общества“,

Авторы „Молодой Россіи“ идутъ дальше: они признаютъ, что одно безъ другого существовать не можетъ: падетъ одно,—уничтожится и другое. Они неразрывно связаны, и звено соединенія—собственность. Общество еще либеральничаетъ, обиженное отнятіемъ у него права на даровую работу крестьянъ, но въ минуту возстанія станетъ за правительство, потому что понимаетъ, что всякое народное, революціонное движеніе направлено противъ собственности. Такія рѣчи, понятно, били кающимся гранитнымъ прогрессистамъ не въ бровь, а въ глазъ, были „не тактичны“; онѣ не могли найти себѣ отзвука и въ мелкомъ собственникѣ—крестьянинѣ, и въ его идеологахъ.

Давно замѣчено, что политическая идеологія, какъ и всякая другая идеологія, строится по образу и подобію экономической физіономіи общества. Члены общества мелкихъ, изолированныхъ въ своемъ личномъ хозяйствѣ, производителей обыкновенно мнятъ себя независимыми и самостоятельными въ своемъ поведеніи: отъ ихъ свободной воли зависитъ будто бы дать хозяйству то или другое направленіе; отъ ихъ личныхъ качествъ,—способностей, трудолюбія,—зависитъ будто бы всецѣло успѣхъ или неуспѣхъ хозяйства. Мелкій хозяинъ привыкаетъ ставить личныя качества,—личность вообще,—во главу угла своихъ сужденій о проявленіяхъ человѣческой дѣятельности.

Распространеніе этихъ представленій на болѣе широкій кругъ явленій даетъ основу извѣстнымъ теоретическимъ заключеніямъ о главенствующей роли личности въ исторіи, въ политикѣ и т. д., вплоть до міротворенія. Міръ ставится, такимъ образомъ, на собственную голову, продуктъ возводится въ рангъ первопричины. Въ исторіи источникомъ явленій считаются „великіе люди“, на самомъ дѣлѣ только выдвинутые на поверхность

волною событій. Въ политикѣ ходъ событій считается выясненнымъ постольку, поскольку выяснены личный характеръ и личные мотивы наиболѣе замѣтныхъ участниковъ событій. Идеалъ общественной организаціи рисуется по типу идеальной организаціи частнаго хозяйства, съ энергичнымъ и способнымъ хозяиномъ во главѣ. Мысль о благѣ потомка-наслѣдника поддерживаетъ энергію и бережливость частнаго хозяина; представленіе объ этой положительной сторонѣ наслѣдованія частной собственности переносится и въ область преемства общественныхъ должностей.

Въ Россіи наканунѣ реформы мы встрѣчаемъ изолированнаго производителя уже какъ второстепенное явленіе. Деревенская Русь давно сложилась въ сельскія общества. Связь между владѣльцами деревень, вызываемая потребностями обмѣна и охраны господства, уже въ XVIII вѣкѣ окрѣпла настолько, что господствующій классъ сталъ сознавать себя единымъ цѣлымъ, закрѣпилъ это сознаніе сословнымъ законодательствомъ и уже приходилъ къ новой политической идеологіи,—къ представленію о государственной организаціи, какъ объ организаціи класса. Мысль о цензовой конституціи заняла прочное мѣсто въ умахъ правящаго класса.

Крестьянство, сорганизованное въ сельскія общества, еще не заглядывало, въ смыслѣ политической идеологіи, за деревенскую околицу; оно еще не вышло изъ примитивнаго представленія о государствѣ, какъ о расширенномъ частномъ хозяйствѣ. Сельское общество (или община) не вмѣшивалось въ дѣла государственнаго хозяйства; его общественные интересы ограничивались предѣлами деревенскаго „міра“. Такая община чувствуетъ себя тѣмъ лучше, чѣмъ меньше имѣетъ она дѣла съ внѣшнимъ міромъ. Между общинами нѣтъ органической связи, и государственное цѣлое основывается только на

связи представителей господствующаго класса. Этотъ классъ какъ единое, организованное цѣлое, противостоитъ разрозненнымъ сельскимъ общинамъ. Отсюда — давно замѣченная неограниченная власть господствующаго класса надъ совокупностью изолированныхъ общинъ. Сельское населеніе лишается политическихъ и гражданскихъ правъ,—оно становится объектомъ частной собственности.

Съ дальнѣйшимъ подъемомъ производительныхъ силъ, съ развитіемъ денежнаго и товарнаго хозяйства растетъ экономическая связь между сельскими обществами. Вмѣстѣ съ тѣмъ начинается разложеніе деревенскаго „міра": изъ него выходитъ контингентъ болѣе зажиточныхъ хозяевъ, торговцевъ, ростовщиковъ. Въ качествѣ крещеной собственности они еще по возможности прячутъ въ кубышку свои капиталы, чтобы развернуться во всю послѣ ликвидаціи крѣпостного права. Тогда, въ качествѣ собственниковъ, они входятъ въ составъ правящаго класса, въ то время какъ ихъ однодеревенцы экономически падаютъ со ступеньки на ступеньку, деморализуются и дезорганизуются. Только въ далекомъ будущемъ предстоитъ для деревенской бѣдноты получить изъ объективнаго хода хозяйственной жизни основу и стимулъ для организованной политической и экономической жизни.

Въ Россіи, въ моментъ ликвидаціи крѣпостного строя положеніе осложнилось тѣмъ, что въ сосѣднихъ странахъ была уже налицо высоко развитая промышленная техника, что тамъ крупное капиталистическое производство задавало тонъ жизни. Естественное для господствующаго класса желаніе воспользоваться послѣднимъ словомъ техники должно было толкнуть его на усиленную заботу о пролетаризаціи крестьянскихъ массъ (о созданіи контингента свободныхъ рабочихъ рукъ) и о скорѣйшемъ, внѣхозяйственномъ накопленіи капиталовъ

за счетъ этихъ же массъ. Началось, съ помощью политической организаціи собственниковъ, якобы искусственное, а на самомъ дѣлѣ вполнѣ естественное, хищническое, — на счетъ крестьянства, — развитіе новѣйшей промышленности „по масштабу, достойному великой страны“.

Старые классы умирали, нарождались новые. Но для 1861—62 годовъ это нарожденіе было въ будущемъ; наблюдался еще лишь первый порывъ къ новой жизни,— хищническій порывъ въ сторону сокращенія крестьянскихъ надѣловъ и повышенія выкупныхъ платежей. И русскимъ идеалистамъ, искателямъ правды новой жизни, ничего не оставалось, какъ стать всецѣло на сторону мелкаго производителя - крестьянина, слиться съ нимъ идеологически, смотрѣть на міръ его глазами и, въ большей или меньшей мѣрѣ, проникнуться его міросозерцаніемъ.

Молодежи предстоитъ подвигъ не учительскій, а очистительный,—писалъ М. Бакунинъ въ 1862 году, — подвигъ сближенія и примиренія съ народомъ. Она должна очиститься отъ привычекъ жизни и мысли, создавшихся у нея подъ вліяніемъ воспитанія въ привилегированной средѣ. Прежде всего очиститься! Вѣдь у насъ „не къ новой жизни надобно ихъ вести, а отнять то, что подавляетъ ихъ собственный стародавній бытъ“,— писалъ А. Герценъ нѣсколько раньше [1]).

Возстановленіе стародавняго быта,—вотъ тотъ идеалъ, за который только и оставалось бороться молодежи. Все то, что дано ходомъ историческаго развитія, представляетъ собою нѣмецко-византійскую скверну, отъ которой нужно очиститься по пути въ страну идеала. Въ соотвѣтствіи съ обращеніемъ взора къ стародавне-

---

[1]) „Колоколъ“ 1 авг. 1857 г., ст. „Революція въ Россіи“.

му быту, съ очищеніемъ отъ позднѣйшихъ привычекъ мысли, должно было выработаться своеобразное политическое міровоззрѣніе самобытнаго россійскаго романтизма.

III.

Въ какую форму, благодаря тяготѣнію къ стародавнему быту, отлилась стремившаяся къ примитивному политическому міровоззрѣнію мысль людей, отвѣдавшихъ скверны университетской,—а подчасъ и европейской,—науки? Изъ публицистовъ начала 60-хъ годовъ, не стѣсненныхъ цензурными рамками, кажется, полнѣе всѣхъ успѣлъ высказаться М. А. Бакунинъ. Въ его листкахъ, рѣчахъ и письмахъ легко видѣть слѣды болѣе обстоятельныхъ, но менѣе ясныхъ по выводамъ, публицистическихъ и научно-историческихъ легальныхъ статей того времени.

Надвигающаяся революція представлялась Бакунину возвращеніемъ къ временамъ Степана Разина. Привѣтствуя такую революцію, неизбѣжно придти къ отрицанію всего того, что создано русской исторіей,—развитіемъ хозяйственной и культурной жизни Россіи не только послѣ XVII вѣка, но и раньше этого. Все, противъ чего боролся Разинъ, должно было встрѣтить себѣ непримиримаго врага и въ Бакунинѣ, какъ вредное, ненародное, наносное.

Уже на образованіе Московскаго государства Бакунинъ смотрѣлъ, въ сущности, какъ на дѣло рукъ враговъ русскаго народа,—татаръ. Московскіе князья съ ихъ властью не были будто бы выдвинуты органическимъ развитіемъ русской жизни,—они возвысились, какъ вассалы татаръ, ихъ „управляющіе“, униженно рабскіе, страшно корыстные и неутомимо-жестокіе. Благодаря покровительству татаръ, они увеличивали „свои владѣ-

нія“, а затѣмъ, почувствовавъ себя достаточно сильными, прогнали собственныхъ господъ. Но татарщина, вмѣстѣ съ своими скверными качествами, успѣла глубоко укорениться въ офиціальномъ и офиціозномъ мірѣ Москвы: „подобное политическое начало достаточно объясняетъ дальнѣйшее развитіе Россійской имперіи“.

Кромѣ татаръ, русскія исконныя начала подверглись оскверненію еще со стороны византійцевъ: Византія завѣщала намъ всю свою испорченность и ужасный, азіатскій деспотизмъ въ политической, соціальной и религіозной жизни.

Но наплывомъ татарщины и византійства не ограничились несчастія русскаго народа. Новымъ источникомъ оскверненія истинно-русской души и истинно-русскаго строя жизни явилась Западная Европа. Петръ понялъ, что для основанія могущественной имперіи, способной бороться противъ Западной Европы, уже недостаточно татарскаго кнута и византійскаго богословія. И онъ заимствовалъ съ Запада „бюрократическую науку“. Изъ татарскихъ элементовъ и съ помощью „этой нѣмецкой науки“ онъ основалъ „чудовищную бюрократію, которая и до сихъ поръ давитъ и угнетаетъ насъ“. Дворянство, духовенство, мѣщане,—всѣ имѣютъ въ Россіи значеніе будто бы лишь постольку, поскольку они служатъ и грабятъ государство.

Прямою причиною всѣхъ бѣдствій русскаго народа были правители,—категорически утверждаетъ Бакунинъ.— Не тѣми или иными классами созданъ политическій строй, наиболѣе удовлетворяющій потребностямъ этихъ классовъ, а какъ разъ наоборотъ: единственно силою царей, единственно ихъ покровительствомъ держались и буйный произволъ полудикаго дворянина, и притѣснительное варварство чиновниковъ. Позднѣйшее русское государство Бакунинъ представлялъ себѣ какъ „бе-

зобразную, враждебную славянамъ, нѣмецко-татарскую централизацію, навязанную намъ деспотизмомъ Петра В. и подавившую немилосердно 60 милліоновъ славянъ самымъ ужаснымъ образомъ". Русскіе живутъ подъ нѣмецкимъ игомъ. Нѣмецкое чиновничество и нѣмецкій порядокъ давятъ Россію [1]).

Бакунинъ не былъ одинокъ въ своемъ построеніи русской исторіи. Точка зрѣнія мелкаго производителя, видящаго въ государствѣ большое частное хозяйство и считающаго волю „хозяина" первоисточникомъ общественныхъ отношеній,—эта точка зрѣнія раздѣлялась, напримѣръ, и Герценомъ, и отчасти даже Чернышевскимъ. Крѣпостное право,—писалъ Чернышевскій въ „Письмахъ безъ адреса",—было создано и распространено властью; всегдашнимъ правиломъ власти было опираться на дворянство, которое и образовалось у насъ не само собою и не въ борьбѣ съ властью, какъ во многихъ другихъ странахъ, а покровительствомъ со стороны власти, добровольно дававшей ему привилегіи.

А. Герценъ считалъ дворянскую Россію искусственной, подражательной и потому безсильной, какъ аристократія. Дворяне знаютъ,—говорилъ онъ,—что права ихъ высочайше пожалованныя и притомъ добровольно дарованныя („Колоколъ" 1 марта 1860 г., № 64). Задачу предстоявшихъ реформъ А. Герценъ видѣлъ въ переходѣ „отъ военнаго деспотизма и нѣмецкой бюрократіи къ болѣе простымъ и народнымъ началамъ государственнаго строенія" (тамъ же, № 2).

Однако, выдержать послѣдовательно эти примитивные взгляды было невозможно людямъ, испорченнымъ уже нѣмецкой и всякой другой наукой, а тѣмъ болѣе

[1]) Изъ письма Фрику 1862 года. См. М. Лемке. „Очерки освоб. движ. 60-хъ годовъ", стр. 489.

наукой русской жизни, далеко ушедшей отъ временъ Степана Разина. Въ этомъ—источникъ безконечнаго трагизма для представителей русскаго революціоннаго романтизма.

Не выдерживаетъ своей точки зрѣнія и Бакунинъ. Его „хозяинъ" не всегда является политической первопричиной, единственнымъ источникомъ добра и зла. Временами Бакунину приходится уже говорить о *союзѣ* царя, дворянъ и высшаго духовенства, какъ объ источникѣ рабства. Смутное время было возстаніемъ народныхъ массъ противъ тираніи „Московскаго государства, бояръ и церкви". Иногда царь, церковь и дворянство московской Руси ставятся рядомъ, и происхожденіе дворянства объясняется не волею царя и не татарщиной: оно образовалось и изъ потомковъ русскихъ удѣльныхъ князей, и изъ новыхъ и старыхъ бояръ, и изъ литовскихъ князей, и проч. Самое государство объявляется „чиновно-дворянской и казенно-поповской цивилизаціей". Далѣе, самою сущностью императорскаго могущества, самою существенною стороной имперіи объявляется дворянство, государственные чиновники и офиціальная церковь. И, наконецъ, Бакунинъ доходитъ до полнаго отрицанія силы высшаго представителя власти въ Россіи. „Нынѣшній государь,—пишетъ онъ Фрику въ 1862 году,—и желалъ бы сдѣлать кое-что хорошее, но онъ ничего не можетъ: положеніе и необходимость той системы, коей онъ самъ верхушка, сильнѣе его воли" [1]).

Размахъ противорѣчій отъ признанія, что правители—„источникъ всего", до утвержденія, что глава государ-

---

[1]) Въ той самой статьѣ, въ которой цари-правители объявлялись прямою причиною всѣхъ бѣдствій, Бакунинъ страницею раньше пишетъ: „Да развѣ оно (самодержавіе) дѣйствительно существуетъ? Это капризъ вчера Панина, сегодня Головнина, завтра Липранди. Это без-

ства „ничего не можетъ“,—это размахъ того противорѣчія, въ которое была поставлена русская передовая интеллигенція, искавшая союзника въ мелкомъ хозяинѣ, мечтавшая о мужицкомъ царствѣ и въ то же время стоявшая на уровнѣ европейской общественной науки, осуществлявшая политическія задачи капиталистической буржуазіи. Изъ противорѣчій въ оцѣнкѣ прошлыхъ судебъ Россіи вытекали противорѣчія въ оцѣнкѣ политическихъ условій даннаго момента, какъ и въ опредѣленіи задачъ дѣятельности.

Царь Александръ II „не можетъ ничего“,—говорилъ Бакунинъ. На первый взглядъ А. Герценъ—полный антагонистъ Бакунина: онъ высказывалъ мысль, что правительство, безъ малѣйшей опасности для себя, могло бы сдѣлать чудеса въ области реформъ, „опираясь на народъ съ одной стороны, съ другой—на всѣхъ мыслящихъ и образованныхъ людей въ Россіи“. „Самодержавная революція,—вѣрилъ Герценъ въ 1860 году,—могла вести Россію къ великому развитію всѣхъ ея неистощимыхъ силъ, невѣдомыхъ возможностей, не проливши ни одной капли крови, не поставивши ни одной висѣлицы и дѣлая изъ Сибирскаго тракта путь богатства и обмѣна вмѣсто пути слезъ и скрежета зубовъ“ [1]).

Обращаясь къ Бакунину, мы находимъ у него почти совершенно тѣ же рѣчи, что и у Герцена: оказывается, что Александръ II все можетъ... „Александръ II,—говоритъ Бакунинъ,—могъ бы такъ легко сдѣлаться народнымъ кумиромъ, первымъ русскимъ земскимъ царемъ,

---

контрольное право на зло, немощь на добро, право быть пассивнымъ и далеко не почетнымъ орудіемъ въ рукахъ лакеевъ придворныхъ, министерскихъ и канцелярскихъ,—право чуждаться Россіи, не знать ее, мутить ее, право ввергнуть ее въ кровавую революцію“.

[1]) „Колоколъ“, № 60 отъ 1 янв. 1860 г.

могучимъ не страхомъ и не... насиліемъ, но любовью: свободою, благоденствіемъ своего народа. Опираясь на этотъ народъ, онъ могъ бы стать спасителемъ и главою всего славянскаго міра". 19 февраля имп. Александръ II былъ „самымъ великимъ, самымъ любимымъ, самымъ могучимъ царемъ"; но онъ,—полагаетъ Бакунинъ,—не понялъ своего положенія и думалъ объ укрѣпленіи „народоненавистнаго тюремнаго зданія петровскаго государства", думалъ о сохраненіи дворянскаго сословія наперекоръ волѣ самого дворянства. Отъ воли и „пониманія" Александра II зависѣло будто бы созвать земскій соборъ. И если бы передъ этимъ соборомъ предсталъ царь, готовый устроить народъ по волѣ его, то кто смѣлъ бы возстать противъ него?—спрашиваетъ Бакунинъ. Понадобилось семь лѣтъ, чтобы онъ же самъ отвѣтилъ на этотъ вопросъ: оказывается, что Александръ II вообще находилъ поощреніе своей политики со стороны всей отечественной литературы, „славянофиловъ и западниковъ, плантаторовъ и либераловъ" [1]). И тѣмъ не менѣе,—таково противорѣчивое положеніе романтика, стоящаго на точкѣ зрѣнія мелкаго хозяина,—Бакунинъ оставался при мысли, что корень „зла" не въ плантаторахъ и либералахъ, а въ главѣ государства: въ 1867 году онъ еще думаетъ, будто глава государственной организаціи—„главнѣйшая причина" всѣхъ бѣдствій крестьянства [2]). И въ 1870 году „часъ послѣдней борьбы" представляется ему часомъ борьбы не крестьянства противъ либераловъ и плантаторовъ, а народа противъ династіи.

Съ мнѣніями Бакунина,—теоретически-образованнаго выходца изъ дворянской среды,—интересно сопоставить

[1]) Нѣсколько словъ къ молодымъ братьямъ въ Россіи 1869 г.

[2]) „Рѣчь на конгрессѣ лиги мира и свободы" 1867 г.

мнѣніе П. А. Мартьянова,—самоучки изъ крѣпостного крестьянства. Школьное образованіе Мартьянова закончилось на одиннадцатомъ году его жизни. Затѣмъ—плаваніе по Волгѣ, торговля. Баринъ потребовалъ съ Мартьянова за выкупъ на волю 10,000 рублей. Повидимому, у Мартьянова былъ капиталецъ: пять мельницъ размалывали скупленный имъ хлѣбъ, тридцать расшивъ должны были везти его вверхъ по Волгѣ; весной удалось нагрузить 60,000 кулей хлѣба. Но тутъ баринъ прижалъ своего крѣпостного. Мартьяновъ былъ разоренъ; получивъ отпускную, онъ попалъ въ Лондонъ, изъ Лондона писалъ Александру II и за это письмо по возвращеніи въ Россію былъ отправленъ въ каторгу, гдѣ и умеръ въ 1866 г. [1]). Такимъ образомъ, въ лицѣ Мартьянова мы имѣемъ передъ собою неудавшагося представителя будущей буржуазіи, зарождавшейся въ нѣдрахъ крѣпостного права. Работа на волжскихъ судахъ и затѣмъ занятіе торговлей должны были разрушить въ немъ наиболѣе примитивную сторону крестьянскаго политическаго міровоззрѣнія; но многое изъ этого міровоззрѣнія оставалось при немъ во время пребыванія въ Лондонѣ; сверхъ того, многое было усвоено изъ сношеній съ лондонскими эмигрантами,—усвоено то, о чемъ мнѣ ужъ пришлось говорить.

Подобно Герцену, Бакунину и другимъ, Мартьяновъ балансируетъ между двумя крайностями: Александръ II все можетъ сдѣлать „однимъ почеркомъ пера", и оно же не въ силахъ „привести въ исполненіе волю свою". Привилегіи русскаго дворянства принадлежали ему „по распоряженію государства". Но что такое государство? Мартьяновъ отвѣчаетъ: „Такъ называемое высшее сословіе съ его подраздѣленіями во всякой странѣ пред-

---

1) См. М. Лемке. „Очерки освоб. движ. 60-хъ гг.".

ставляетъ и олицетворяетъ собою государство, стремящееся господствовать надъ народомъ". „Государствованіе надъ страной „заключается въ правѣ" высшаго сословія эксплоатировать сословія низшія". Такимъ образомъ, по Мартьянову, не воля „хозяина" страны была первоисточникомъ дворянскихъ правъ, и государство, представляемое высшимъ сословіемъ, то-есть, въ концѣ-концовъ, дворянство, не получало своихъ правъ изъ чужихъ рукъ, а брало ихъ собственными руками.

Трудно сказать, насколько самъ Мартьяновъ продумалъ свою мысль и въ какую сторону могъ бы развить ее. На его произведеніяхъ сильно отзывается вліяніе Бакунина и другихъ. Ясно одно,—отчетливое выдѣленіе личности изъ состава понятія „государство" или „правительство". Подъ словомъ государство, — говоритъ онъ,—я разумѣю неотвѣтственное правительство и всѣ правительственныя сословія, господствующія и эксплоатирующія подъ его покровительствомъ и съ его помощью. „Народъ—это то, что эксплоатируютъ, это земство. Государство—это то, что эксплоатируетъ земство, это правительство неотвѣтственное, это дворянство съ принадлежащими къ нему частицами, живущее на счетъ народа, угнетающее и обирающее его съ помощью правительства неотвѣтственнаго, само же и составляя его въ видѣ чиновниковъ разнаго калибра, на что и имѣетъ почти исключительную монополію" [1]).

Приближаясь такимъ образомъ къ опредѣленію государства, какъ организаціи классоваго господства и, что то же, организаціи господствующаго класса, Мартьяновъ, говоря объ усмиреніи крестьянъ, противопоставляетъ царя и государство: „Развѣ убитые не видали въ Александрѣ, какъ мы хотимъ видѣть, царя зем-

[1]) Цит. по М. Лемке. „Очерки осв. дв. 60-хъ гг.", стр. 350.

скаго? Царь земскій не велитъ за вопросъ стрѣлять въ земство... Въ народъ стрѣляло государство,—опричники, наслѣдники монгольскаго самоуправства, враги и ненавистники народа русскаго на смерть и жизнь"... Государство никогда „не перестанетъ быть станомъ, народу враждебнымъ". Но изъ этого не слѣдуетъ, что Мартьяновъ былъ склоненъ къ анархизму: онъ противопоставляетъ государству не анархію, а „власть правительственную, сообразную съ духомъ, ростомъ и потребностями народа, самоуправляющагося посредствомъ представительной формы правленія"; онъ и не противъ дворянства, какъ собственниковъ: дворянство уничтожило себя отказомъ отъ привилегій, „государство влилось въ земство". Такимъ образомъ „земскій" идеалъ Мартьянова—не что иное, какъ буржуазное представительное государство, а Мартьяновъ—идеологъ буржуазіи того молодого періода ея роста, когда она противопоставляетъ себя еще только классу крѣпостническому, когда еще не обнаружилась противоположность интересовъ буржуазіи и пролетаріата или, точнѣе, пролетаріатъ еще не началъ выступать, какъ классъ.

Если мы перейдемъ теперь къ отдѣльнымъ произведеніямъ печати того времени, то почти въ каждомъ,—несмотря на ихъ краткость,—найдемъ отмѣченныя выше противорѣчія, иногда еще въ болѣе яркой формѣ. Такъ, напримѣръ, въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію" 1861 года признаются „помѣхой всему правитель и его министры; для десяти человѣкъ", составляющихъ правительство, ничего не значитъ счастье 60 милліоновъ; общественнаго мнѣнія для правительства не существуетъ, какъ не существуетъ для него общества. Далѣе, оказывается, что общество для него существуетъ,—именно помѣщичье общество: кончились помѣщики,—кончилось и императорство, у него нѣтъ больше почвы; затѣмъ,

дворянство, составлявшее почву, само будто бы искусственно создано императорской властью, и если бы умерло внезапно все наше дворянство, то „черезъ часъ царь можетъ создать новыхъ помѣщиковъ, надѣлать новыхъ графовъ и князей“, и т. д.

На ряду съ неустойчивостью въ опредѣленіи сущности государственной организаціи идетъ такого же размаха неустойчивость въ опредѣленіи какъ задачи революціи, такъ и революціонныхъ общественныхъ элементовъ. Революціонеры той эпохи не считаютъ себя выразителями интересовъ опредѣленныхъ общественныхъ группъ или классовъ. Выбитые изъ состава землевладѣльческаго класса, они порываютъ съ нимъ идейно (и то не вполнѣ, какъ мы видѣли на примѣрѣ даже Бакунина) и затѣмъ ищутъ себѣ „опоры“.

Имѣть опору, опираться—это излюбленный междуклассовыми промежуточными элементами политическій терминъ; не чувствуя силы въ самой себѣ, деклассированная интеллигенція искала силы внѣ себя, искала „опоры“ и, становясь на точку зрѣнія мелкаго производителя, конструировала представленіе о политическомъ строѣ по своему образу и подобію.

Изъ этихъ представленій, въ связи съ мелкобуржуазнымъ представленіемъ о роли личности въ исторіи, получилось то, до сихъ поръ распространенное у насъ, представленіе о государственной власти, которое формулируется словами: опора, опирается. Государство, по этому представленію, всюду и всегда на что-то опирается, а не является само организаціей класса, экономически господствующаго и потому „опирающагося“ только на самого себя.

Понятно, что и для промежуточныхъ въ классовомъ отношеніи революціонныхъ романтиковъ начала 60-хъ годовъ вопросъ прежде всего шелъ о томъ, на кого

„опирается“ правительство и на кого нужно „опираться“ революціонерамъ. Авторы листка „Великоруссъ“ обращались къ „обществу“. Суровый критикъ „Великорусса“, авторъ „Отвѣта Великоруссу“, напечатаннаго въ № 107 „Колокола“ въ 1861 году, возстаетъ противъ обращенія къ „обществу“ не только потому, что у общества помѣщиковъ-чиновниковъ „одни начала, одни стремленія съ правительствомъ“, но и потому, что это общество „такъ же дрябло и безсильно“, какъ и правительство, „которому оно постоянно служило дворней“. Неудачи 1825 и 1848 года свидѣтельствуютъ, что ничего нельзя добиться „силами одного общества, безъ содѣйствія народа“. Поэтому авторъ отвѣта возражаетъ всѣмъ, кто думаетъ, что „у насъ не на что опереться“: „наша опора“,— говоритъ онъ,—это тѣ несчетныя массы, которымъ нечего терять отъ крушенія стараго порядка.

Но, рѣшивъ „искать опоры“ въ массахъ крестьянства, авторъ отвѣта становится уже внѣ того самаго движенія въ пользу конституціи, стремленіе къ которой (въ связи со „свободами“) и было исходнымъ пунктомъ революціонныхъ настроеній дворянской молодежи. Пусть конституціи добиваются,—говоритъ онъ,—тѣ, кому она можетъ быть полезна; при ней больше простора, если она принесетъ право собраній и свободу печати; но не она— цѣль и послѣднее слово: „наша цѣль—полное освобожденіе крестьянъ, право народа на землю, право его устроиться и управляться самимъ собою, освобожденіе и свободный союзъ областей“. Стремясь къ этой цѣли, не слѣдуетъ въ данный моментъ „ни помогать, ни мѣшать“ борьбѣ за конституцію.

Полное освобожденіе крестьянъ представляется почти въ томъ же видѣ и М. Бакунину: вся земля—крестьянамъ, свобода промысловъ, равноправіе, самоуправленіе, союзъ общинъ. И вѣнецъ зданія—Всенародный Земскій Соборъ.

Потребность „найти опору“ въ крестьянствѣ быстро превращается въ умахъ революціонныхъ романтиковъ въ свою собственную противоположность: изъ „мяса освобожденія“ народъ становится самоцѣлью, а революціонеры должны смотрѣть на себя, какъ на слугъ народа, если народъ согласится использовать ихъ услуги. Чтобы пріобрѣсти способность и право служить народному дѣлу, революціонная молодежь, по мнѣнію Бакунина, должна „утопиться въ народѣ“. Революція должна уничтожить всѣ безъ исключенія формы современной жизни и создать новыя формы изъ совершенной аморфности. Къ этой аморфности,—къ уничтоженію всего, что создано вопреки идеаламъ Стеньки Разина, — должна стремиться молодежь. Коллективный Стенька Разинъ— вотъ смыслъ ея движенія.

Но людямъ, ставшимъ на точку зрѣнія идеаловъ Стеньки Разина, идеаловъ натуральнаго мелкаго хозяйства, мудрено удержаться на высотѣ политической коллективности. Имъ необходима личность, представляющая цѣлое по образу и подобію отдѣльной единицы, входящей въ составъ цѣлаго. Имъ необходимъ хозяинъ, воля котораго—источникъ политической жизни. Поэтому Бакунинъ не могъ не поставить вопроса: за кѣмъ, за какою личностью, за какимъ героемъ пойдетъ революціонная молодежь? За представителемъ ли уже существующей власти, или за Пугачевымъ, за Пестелемъ?

— Мы не враги и не друзья нынѣшняго императора,— отвѣчалъ Бакунинъ.—Мы охотнѣе всего пошли бы за нимъ,—между прочимъ и потому, что „онъ одинъ (курс. подл.) могъ совершить и окончить мирную революцію, не проливъ ни одной капли русской или славянской крови“. Но если имп. Александръ Второй остановится въ дѣлѣ революціи на полпути, то Бакунинъ готовъ итти и за „самозванцемъ царемъ Пугачевымъ“ и

за „новымъ Пестелемъ—диктаторомъ"; а можетъ быть, и Земскій Соборъ спасетъ Россію,—заканчиваетъ онъ свое разсужденіе о возможныхъ путяхъ полнаго освобожденія крестьянства. И здѣсь такимъ образомъ, какъ и въ вопросѣ о сущности государства, размахъ противорѣчій и шатаній равенъ 180 градусамъ.

И все-таки, просматривая статьи и прокламаціи начала 60-хъ годовъ, вы легко замѣчаете, что мысль романтиковъ неизмѣнно возвращается къ одному пункту,—къ вопросу о политической свободѣ. Забота о переустройствѣ общественныхъ отношеній въ духѣ буржуазнаго общества въ эпоху, когда это общество еще не сложилось, толкало выбитую изъ колеи дворянскую молодежь къ отрицанію самаго буржуазнаго общества. Реформы 60-хъ годовъ обманули ожиданія тѣхъ, кто надѣялся на немедленный переходъ изъ крѣпостничества къ капиталистическимъ формамъ эксплоатаціи рабочей силы. Предстояло, какъ оказалось, пережить раньше періодъ необузданнаго хищничества, эпоху отдѣленія работника отъ средствъ производства, эпоху такъ называемаго первоначальнаго накопленія. На хищника не могла возложить своихъ упованій часть молодежи, искавшая правды обновленной жизни.

Образовался слой отщепенцевъ новаго хищническаго общества, метавшійся въ поискахъ „опоры", остановившійся въ этихъ поискахъ на мелкомъ производителѣ, старавшійся стать на точку зрѣнія крестьянства и пропитаться его міросозерцаніемъ.

Но эта послѣдняя задача—абсолютная утопія для выходцевъ изъ того класса, который давно переросъ примитивное міросозерцаніе изолированнаго производителя эпохи натуральнаго хозяйства. И соціальное положеніе образованной, передовой молодежи постоянно возвращало ее изъ міра романтическихъ грезъ къ реальнымъ,—

хотя далеко еще не злободневнымъ,—интересамъ нарождающагося буржуазнаго класса, къ борьбѣ за формы политической организаціи развитаго капиталистическаго общества.

Такого общества еще не создалось, — противорѣчіе между жизнью и передовыми идеалами оставалось налицо. Оставался,—вплоть до нашихъ дней,—и революціонный романтизмъ, извѣстный подъ именемъ народничества: онъ преобразовывался, принималъ самыя разнообразныя формы, то воскресалъ, то какъ будто замиралъ, и неизмѣнно накладывалъ отпечатокъ на политическое міросозерцаніе своихъ представителей.

Золотой вѣкъ народничества и марксизмъ.

I.

Золотымъ вѣкомъ народничества являются семидесятые годы девятнадцатаго вѣка. Въ эти годы народничество складывается въ болѣе или менѣе цѣльное міросозерцаніе, охватываетъ широкіе слои народившейся интеллигенціи, накладываетъ печать на все политическое мышленіе эпохи, представляется послѣднимъ словомъ передовой политической мысли и вдохновляетъ своихъ послѣдователей на рѣдкіе въ исторіи подвиги самоотреченія и самоотверженія.

Типъ передового народника семидесятыхъ годовъ, поскольку рѣчь идетъ объ этической оцѣнкѣ личности, является однимъ изъ наиболѣе цѣльныхъ и красивыхъ типовъ русской исторіи.

Идеалы народничества семидесятыхъ годовъ не получили осуществленія въ жизни, и потому такъ называемые „трезвые умы",—однобоко-трезвые, добавимъ мы,—готовы видѣть въ идеалахъ стараго народничества однѣ только иллюзіи. Но не даромъ марксисты—самые, можно сказать, непримиримые и опасные для народничества критики этого политическаго міросозерцанія,—„принимали наслѣдство" эпохи семидесятыхъ годовъ и въ своемъ первомъ манифестѣ, возвѣщавшемъ о на-

рожденіи новой политической партіи въ Россіи, связывали свое появленіе съ завѣтами нѣкоторыхъ круговъ передового народничества.

Отдавая глубокую дань уваженія дѣятелямъ народничества семидесятыхъ годовъ, признавая за ними огромныя заслуги для дѣла демократіи въ Россіи, мы однако же оказали бы слишкомъ мало уваженія этимъ людямъ, если бы стали закрывать глаза на недостатки и ошибки въ ихъ политическихъ воззрѣніяхъ. Вѣдь сами-то они не боялись подходить съ безпощадной критикой ко всему, что видѣли, что находили готоваго въ наслѣдствѣ „отцовъ“. И если бы они родились полувѣкомъ позже, когда зачаточныя общественныя отношенія кристаллизовались уже въ яркія формы и очертились рѣзкими гранями, они не были бы тѣмъ, чѣмъ были.

Критика многихъ сторонъ народническаго политическаго міросозерцанія семидесятыхъ годовъ въ настоящее время столь же легка, какъ легко школьнику усвоеніе научныхъ истинъ, надъ открытіемъ которыхъ мучительно работали, можетъ быть, многіе геніальнѣйшіе умы предыдущихъ поколѣній.

И все же мы не въ правѣ отказываться отъ такой критики; она можетъ освѣтить новымъ свѣтомъ наше собственное пониманіе и предохранить новыя поколѣнія отъ политическаго атавизма. Наконецъ, она можетъ помочь найти въ новѣйшихъ ученіяхъ ихъ корни въ свѣтѣ болѣе яркомъ, чѣмъ хотѣли бы видѣть или чѣмъ видятъ ихъ сами представители новѣйшихъ ученій.

Мы уже сказали, что семидесятые годы являются эпохой народничества, вполнѣ сформировавшагося. Но само собой разумѣется, что не въ семидесятыхъ годахъ началось нарожденіе той идеологіи, которая впослѣдствіи получила наименованіе народнической. Чтобы не уходить далеко въ глубь прошлаго, мы остановимся лишь на

двухъ-трехъ наиболѣе яркихъ выраженіяхъ политической передовой мысли шестидесятыхъ годовъ.

Вотъ, для примѣра, вышедшее въ шестидесятыхъ годахъ воззваніе „Къ молодому поколѣнію".

Авторы воззванія горячо ратуютъ въ защиту „литераторовъ, поэтовъ, ученыхъ, художниковъ, фабрикантовъ", — словомъ, всѣхъ тѣхъ, кто, по ихъ мнѣнію, является „аристократіей мысли", „въ произведеніяхъ которыхъ высказывается геній и всѣ способности народа, которые составляютъ гордость и славу націи".

Современный читатель сейчасъ же спроситъ:

— Если авторы воззванія считаютъ фабрикантовъ славой и гордостью націи, то каково же ихъ отношеніе къ антиподу фабрикантовъ, къ пролетаріату?

На этотъ вопросъ мы находимъ въ воззваніи слѣдующій отвѣтъ:

„Освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ ея несчастію: къ благосостоянію политическому и экономическому, или къ экономическому и политическому пролетаріату. Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или другому".

Немного словъ, но какъ много въ нихъ сказано! Какой яркій свѣтъ проливаютъ они на источникъ тѣхъ положеній, которыя впослѣдствіи пріобрѣтали многообразныя формулировки въ произведеніяхъ корифеевъ русскаго народничества!

„Отъ насъ самихъ зависитъ избрать путь къ тому или другому",—въ этой краткой и простодушно-прямой формулировкѣ мы узнаемъ и будущее утвержденіе народовольца Льва Тихомирова, будто „исторія идетъ самыми невѣроятными путями", и увѣреніе праваго народника В. В., что „шаги русскаго прогресса въ значительной степени зависятъ отъ случая", и рѣшеніе спора

о роли личности въ исторіи, и отвѣтъ на вопросъ, что чѣмъ опредѣляется: сознаніе бытіемъ или бытіе сознаніемъ. Авторы воззванія въ корнѣ отвергаютъ ученіе экономическаго матеріализма. Исторію творитъ „аристократія мысли“,—вспомните русскихъ историковъ отъ Пыпина вплоть до Мякотина и до авторовъ популярныхъ брошюръ по исторіи, Шишко и Петрищева! А съ идеалистическимъ пониманіемъ историческаго процесса неразрывно связано и отрицаніе діалектическаго матеріализма въ философіи.

Въ настоящее время врядъ ли кто даже изъ самыхъ наивныхъ эпигоновъ народничества и противниковъ марксизма рѣшится сказать, что отъ интеллигенціи зависитъ „избрать путь къ тому или другому“ ходу историческаго процесса. Но когда вы будете читать любое, хотя бы самое затушеванное, произведеніе народнической критики марксизма, вы безъ большого труда сможете свести основную идею этого произведенія къ формулѣ „отъ насъ самихъ зависитъ“.

Мимоходомъ отмѣтимъ, что формула „отъ насъ самихъ зависитъ“ больше всего соотвѣтствуетъ міровоззрѣнію сначала мелкаго изолированнаго производителя-хозяйчика, а затѣмъ и вообще міропониманію представителей мелкой буржуазіи. Ихъ ограниченному кругозору дѣйствительно кажется, будто все ихъ благополучіе зависитъ отъ нихъ самихъ. Только они сами—кузнецы своего счастья, поскольку этому не мѣшаютъ неблагопріятныя явленія природы. Но и самыя явленія природы, вплоть до міротворенія, они не могутъ мыслить иначе, какъ въ формѣ проявленія личной, сознательной воли.

Обратимся къ слѣдующему положенію воззванія „Къ молодому поколѣнію“: „освобожденіе крестьянъ есть первый шагъ или къ великому будущему Россіи, или къ

ея несчастью". Въ наше время опасеніе, будто освобожденіе крестьянъ могло быть шагомъ къ несчастью Россіи, можетъ показаться лишь плодомъ политическаго недомыслія, вызвать недоумѣнное пожатіе плечами. А между тѣмъ въ свое время это опасеніе было логическимъ выводомъ изъ опредѣленнаго демократическаго міровоззрѣнія.

Въ самомъ дѣлѣ, какого „несчастія" боялись авторы воззванія? Они боялись появленія „экономическаго и политическаго пролетаріата", то-есть прежде всего они боялись пролетаризаціи крестьянской массы, разоренія и обездоливанія милліоновъ мелкихъ производителей. Не того они боялись, конечно, что пролетаріатъ выраститъ впослѣдствіи въ политическую силу, которая возьметъ на себя и осуществленіе общедемократическихъ задачъ. Появленіе такой силы они могли бы только привѣтствовать. Не боялись они и развитыхъ формъ буржуазно-капиталистическаго общества: это общество рисовалось имъ въ видѣ гегемоніи „аристократіи мысли". Противорѣчіе интересовъ буржуазной „аристократіи мысли" и пролетаріата затушевывалось въ ихъ глазахъ задачами осуществленія свободныхъ политическихъ формъ.

Но въ Россіи шестидесятыхъ годовъ еще только складывалось буржуазное общество, какъ еще только складывался и пролетаріатъ въ видѣ сознающаго себя класса. Передъ Россіей стоялъ еще, въ силу объективныхъ условій историческаго процесса, мучительный періодъ пролетаризаціи массъ, обнищанія, обездоленія широкихъ круговъ крестьянства—на одной сторонѣ, и нарожденіе наглаго, бузудержнаго, торжествующаго безправія и хищничества—на другой. Такъ называемое „первоначальное накопленіе" капиталовъ нигдѣ и никогда не происходило по Замбарту, какъ односторонній процессъ накопленія, а всегда и вездѣ оно являлось двусторон-

нимъ процессомъ накопленія и въ то же время разоренія, быстраго обогащенія единицъ и глубокаго обнищанія массъ.

Этотъ двусторонній процессъ проявился уже въ самомъ актѣ 19 февраля 1861 года,—въ урѣзываніи крестьянскихъ земельныхъ надѣловъ и въ обложеніи крестьянъ непомѣрными выкупными платежами. Но послѣ 1861 года этотъ процессъ заполонилъ жизнь. Торжество самаго безпощаднаго ростовщичества, насилія надъ слабыми, обмана, казнокрадства, всякаго рода и всякихъ формъ расхищенія крестьянской и казенной земли, безнаказаннаго и наглаго хищничества—все это слишкомъ больно било по нервамъ и отравляло сознаніе идеалистически-настроенной интеллигенціи.

Незабвеннымъ литературнымъ памятникомъ какъ крѣпостническаго гнета, такъ и пореформеннаго хищничества являются сочиненія Салтыкова-Щедрина. Нѣтъ въ Россіи писателя, который бы такъ всесторонне и безпощадно, съ такимъ непримиримымъ негодованіемъ относился къ крѣпостному праву. Но при видѣ пореформеннаго хищничества даже и Щедринъ не выдерживалъ: мучительство крѣпостного права было ужасно, но оно было хоть ограничено райономъ; „ваше же мучительство, о міроѣды и кровопійственныхъ дѣлъ мастера, есть мучительство вселенское, неуличимое!“ — восклицалъ онъ.

При наличности обостреннаго процесса „первоначальнаго накопленія“, въ свѣтѣ признанія, что „отъ насъ самихъ зависитъ избрать“, и притомъ въ эпоху, когда діалектическое пониманіе историческаго процесса и вообще все ученіе марксизма было ново и почти недоступно для русскаго читателя по внѣшнимъ условіямъ, мы уже не остановимся въ прежнемъ недоумѣніи передъ мыслью, что освобожденіе крестьянъ могло стать шагомъ къ несчастью России.

Лишь спустя значительный періодъ времени стало выясняться, что одновременно съ ростомъ капитализма въ Россіи, какъ и вездѣ, растетъ та сила, которая приведетъ къ крушенію капиталистическаго строя,—что рядомъ съ отрицательными явленіями капитализма создается и нѣчто положительное, именно—ростъ сознательности, организованности и энергіи пролетаріата. Эту новую силу, этотъ ростъ соціальнаго вліянія антиподовъ капитала въ Россіи первыми отмѣтили марксисты, предлагая интеллигенціи стать на точку зрѣнія пролетаріата, политически слиться съ пролетаріатомъ, неразрывно соединить свою судьбу съ судьбой пролетаріата. Но именно здѣсь они встрѣчали и встрѣчаютъ наибольшее сопротивленіе эпигоновъ народничества.

Когда народникъ В. В. доказывалъ невозможность развитія капитализма; когда другіе народники обвиняли марксистовъ въ проповѣди устройства кабаковъ и въ защитѣ ростовщичества; когда и въ наше время эпигоны народничества никакъ не могутъ стать на чисто пролетарскую точку зрѣнія,—вы легко подмѣтите въ ихъ разсужденіяхъ, если доведете ихъ до логическаго конца, старую мысль воззванія „Къ молодому поколѣнію“, будто освобожденіе крестьянъ могло явиться первымъ шагомъ къ несчастью Россіи.

Отмѣтимъ въ воззваніи „Къ молодому поколѣнію“ еще одну черту, которая можетъ вызвать недоумѣніе молодого читателя нашихъ дней. Авторы воззванія, зачисляя „фабрикантовъ“ въ „аристократію мысли“, тѣмъ самымъ признаютъ наличность фабрикантовъ и въ Россіи; въ то же время они только въ видѣ будущаго „несчастья“ грозятъ нарожденіемъ у насъ пролетаріата.

— Какъ же можно было мыслить наличность капиталистовъ-фабрикантовъ безъ пролетаріевъ-рабочихъ? — спроситъ молодой читатель. А между тѣмъ это логиче-

ское противорѣчіе было свойственно далеко не однимъ только авторамъ воззванія.

И много лѣтъ спустя, въ концѣ семидесятыхъ и даже въ восьмидесятыхъ годахъ, увѣренія, что въ Россіи нѣтъ пролетаріата, встрѣчались постоянно. Профессорская наука выступала противъ соціалистовъ именно съ такимъ, какъ ей казалось, убійственнымъ аргументомъ. А въ восьмидесятыхъ годахъ противъ марксистской „Группы освобожденія труда“ народники выступали съ тѣмъ же аргументомъ. Напримѣръ, Левъ Тихомировъ, бывшій въ то время лидеромъ лѣвыхъ народниковъ, увѣрялъ, что марксистамъ приходится еще только „хлопотать о созданіи класса, во имя котораго они хотятъ дѣйствовать, а для этого приходится желать скорѣйшей раскассировки тѣхъ милліоновъ рабочаго люда, которые существуютъ въ дѣйствительности, но, не будучи по несчастью пролетаріями, не имѣютъ роли въ научной схемѣ соціальнаго прогресса“.

Далѣе Левъ Тихомировъ говоритъ:

„Будучи послѣдовательнымъ и ставя интересы революціи выше своей личной нравственной чистоплотности, соціалистъ тутъ долженъ былъ бы прямо вступить въ союзъ съ рыцарями первоначальнаго накопленія, у которыхъ не дрогнетъ сердце и рука развивать разныя „прибавочныя стоимости“ и объединять рабочихъ въ единоспасающемъ положеніи нищаго пролетарія“.

Въ наши дни достаточно процитировать подобныя мысли, чтобы опровергнуть ихъ. Но какая уйма труда понадобилась всего 25—30 лѣтъ назадъ, чтобы только доказать существованіе въ Россіи капитализма и наличность пролетаріата, какъ класса! Вплоть до конца девятнадцатаго вѣка народники,—и не они одни,—ухитрялись мыслить классъ капиталистовъ безъ пролетаріата!

И если въ наши дни оппортунисты и ревизіонисты, аргументаціей которыхъ такъ любятъ пользоваться эпигоны народничества, станутъ доказывать вамъ, будто развитіе капитализма несетъ съ собою не обостреніе, а смягченіе противорѣчія классовыхъ интересовъ, вы безъ большого труда сведете ихъ мысль къ мысли авторовъ воззванія „Къ молодому поколѣнію“: они мыслятъ ростъ капитализма безъ роста пролетаріата, наличность фабрикантовъ безъ наличности рабочихъ.

II.

Надѣюсь, читатель убѣдился, что его знакомство съ маленькой выдержкой изъ давно забытаго воззванія шестидесятыхъ годовъ не оказалось безполезнымъ. Поэтому позволю себѣ остановить на минуту его вниманіе еще на нѣкоторыхъ маленькихъ документахъ эпохи, подготовившей народническое міровоззрѣніе.

Анархизмъ Бакунина не слѣдуетъ отожествлять съ народничествомъ семидесятыхъ годовъ. Но что идеи Бакунина оказывали сильнѣйшее вліяніе на народниковъ—это безспорный фактъ. Посмотримъ, въ чемъ видѣлъ Бакунинъ задачу передовой части нашей интеллигенціи. Эта задача опредѣлялась тѣмъ, какъ понимался Бакунинымъ историческій процессъ въ Россіи.

Политическое освобожденіе представлялось Бакунину возвращеніемъ къ временамъ Стеньки Разина. Все, противъ чего боролся Разинъ, находило себѣ врага и въ Бакунинѣ, какъ вредное, не народное, наносное. Образованіе московскаго государства было дѣломъ враговъ русскаго народа—татаръ: они возвысили московскихъ князей, какъ своихъ „управляющихъ“. „Подобное политическое начало достаточно объясняетъ дальнѣйшее развитіе Россійской имперіи“,—говоритъ Бакунинъ.

Кромѣ татаръ, исконныя, прекрасныя русскія начала подверглись оскверненію со стороны Византіи, которая завѣщала намъ свой ужасный, азіатскій, деспотизмъ. И, наконецъ, новымъ источникомъ оскверненія истинно-русской души явилась Западная Европа, главнымъ образомъ нѣметчина: изъ татарскихъ элементовъ, съ помощью нѣмецкой науки, Петръ I основалъ „чудовищную бюрократію, которая и до сихъ поръ давитъ и угнетаетъ насъ“.

При такомъ пониманіи исторіи неизбѣженъ выводъ, формулированный нѣсколько раньше А. Герценомъ: въ дѣлѣ освобожденія народныхъ массъ у насъ „не къ новой жизни надо ихъ вести, а отнять то, что подавляетъ ихъ собственный стародавній бытъ“ („Колоколъ“ 1 августа 1857 г.).

А. Герценъ и М. Бакунинъ—далеко не единомышленники. Тѣмъ болѣе интереснымъ является совпаденіе ихъ взглядовъ на задачу освободительнаго движенія, какъ на устраненіе всего, что дано Россіи ея историческимъ развитіемъ, какъ на возвращеніе къ „стародавнему быту“, къ временамъ Стеньки Разина. Очевидно, эти идеи были широко распространены среди интеллигенціи той эпохи, которая подготовила идеологію народничества. И въ настоящее время намъ совсѣмъ не трудно опредѣлить источникъ такихъ взглядовъ. Такимъ источникомъ является положеніе мелкаго производителя, мелкобуржуазнаго хозяйчика въ обществѣ развивающихся товарнаго и капиталистическаго хозяйства. Ростъ товарнаго обращенія, съ одной стороны, разрушительно вліяетъ на хозяйство изолированнаго мелкаго производителя и, съ другой стороны, создаетъ то государство, противъ котораго ратовалъ анархистъ Бакунинъ и „отнять“ которое считалъ достаточнымъ европеецъ А. Герценъ, чтобы воскресить золотой вѣкъ „стародавняго быта“.

Идея воскрешенія стародавняго быта наложила свою печать на позднѣйшую идеологію многихъ представителей нашей интеллигентской мысли, которые ни за что не согласились бы принять ту наивную формулировку освободительныхъ задачъ, которую далъ Герценъ. Эта идея лежитъ въ основѣ пониманія прогресса Н. К. Михайловскаго. Формулировка Н. К. Михайловскаго („Что такое прогрессъ?") при самомъ своемъ появленіи вызвала отрицательное отношеніе къ себѣ со стороны П. Л. Лаврова. Лавровъ указывалъ, что формула прогресса Михайловскаго въ сущности является отрицаніемъ всякаго прогресса въ исторіи. Но и самъ авторъ „Историческихъ писемъ" слишкомъ близко подходитъ къ пониманію историческаго процесса Михайловскимъ; напримѣръ, когда говоритъ о величинѣ прогресса или о цѣнѣ прогресса.

Позже лозунгъ возвращенія къ стародавнему быту, къ временамъ Стеньки Разина, нашелъ себѣ въ народничествѣ подновленную формулировку, когда говорилось, будто русскій крестьянинъ—прирожденный соціалистъ, когда идеализировалась крестьянская община, отрицалась буржуазная политическая свобода и проектировался захватъ власти съ единственной цѣлью дать просторъ осуществленію прирожденныхъ соціалистическихъ идеаловъ русскаго крестьянства.

Наконецъ, уже въ началѣ двадцатаго вѣка идея возвращенія къ стародавнему быту, вновь подновленная и тщательно-затушеванная, настолько однако же сохранилась у новонародниковъ, что давала марксистамъ поводъ называть соціалистовъ-революціонеровъ „соціалистами-реакціонерами". Правильнѣе было бы называть ихъ соціалистами-романтиками, характерной чертой которыхъ является представленіе объ идеальномъ будущемъ въ формахъ „стародавняго быта".

„Стародавній бытъ“ рисовался воображенію народниковъ совсѣмъ не такимъ, какимъ рисуетъ его безстрастная историческая наука; да имъ—по условіямъ историческаго момента—и не важно было знать историческую правду. Вѣдь „стародавній бытъ“ игралъ въ міровоззрѣніи нашихъ романтиковъ-народниковъ совсѣмъ не ту роль, какую играетъ онъ обыкновенно въ агитаціи реакціонеровъ. Реакціонеры идеализируютъ прошлое ради сохраненія своего нынѣшняго привилегированнаго положенія. А демократическіе романтики проводятъ свою идеализацію въ цѣляхъ уничтоженія привилегій и господства. Для реакціонеровъ сохраненіе стараго—дѣйствительная цѣль; а для демократическихъ романтиковъ возстановленіе „стародавняго быта“—лишь форма мышленія.

Однако могутъ быть случаи, когда реакціонеры и романтики сходятся между собой въ оцѣнкѣ явленій. Яркій примѣръ—отношеніе къ крестьянской общинѣ. Ее защищали и романтики, и реакціонеры. Романтики видѣли въ ней основу освободительной, демократической борьбы, а реакціонеры—основу своего господства надъ крестьянской массой.

Вопросъ объ общинѣ занималъ очень видное мѣсто въ міровоззрѣніи народниковъ не только въ семидесятые годы, но и много позже. Но о ней мы будемъ говорить ниже, когда пойдетъ рѣчь о спорахъ по этому вопросу между народниками и марксистами. Теперь наша задача—опредѣлить то положительное наслѣдство семидесятыхъ годовъ, которое приняли марксисты отъ народниковъ, и разсказать объ отношеніи самихъ народниковъ той эпохи если не къ марксизму въ цѣломъ, то къ отдѣльнымъ его положеніямъ и къ самимъ основателямъ марксистскаго ученія.

Наслѣдство, принятое марксистами отъ народниче-

ства семидесятыхъ годовъ, было очень значительно и цѣнно,—этого не слѣдуетъ забывать.

Народники семидесятыхъ годовъ, безвозвратно порывавшіе со своимъ привилегированнымъ положеніемъ,—будь то сословныя привилегіи рожденія или пріобрѣтенныя привилегіи казеннаго образованія,—завѣщали своимъ преемникамъ изъ интеллигентской среды такой же разрывъ съ личнымъ привилегированнымъ положеніемъ и переходъ въ ряды обездоленныхъ и угнетенныхъ не на словахъ только, но и на дѣлѣ. Этотъ разрывъ съ привилегіями, конечно, слѣдуетъ понимать не исключительно въ смыслѣ сектантскаго прямого отказа отъ пользованія, а въ смыслѣ использованія привилегій или готовности пожертвовать привилегіями, когда это требуется нуждами дѣла.

На ряду съ этимъ самоотреченіемъ для выходцевъ изъ привилегированной среды народники семидесятыхъ годовъ завѣщали всѣмъ,—привилегированнымъ и непривилегированнымъ,—дѣятелямъ демократіи безграничное самоотверженіе, готовность жертвовать во имя идеи всѣмъ такъ называемымъ личнымъ счастьемъ, всей своей личностью, свободой и жизнью.

Только при такой готовности возможны были тѣ безчисленныя жертвы, которыя вырыли психологическую непереходимую пропасть между защитниками стараго и носителями новаго,—ту пропасть, которая сдѣлала психологически невозможными всякіе компромиссы съ царскимъ самодержавіемъ. Эта непримиримость если и не была сама по себѣ пониманіемъ непримиримости классовыхъ интересовъ, то въ значительной мѣрѣ облегчила пониманіе, расчистила путь къ нему.

Народничество семидесятыхъ годовъ пережило не мало колебаній по пути къ признанію необходимости для Россіи, въ интересахъ угнетенныхъ массъ, перехода къ

политическимъ формамъ развитого капиталистическаго общества. Но въ концѣ-концовъ оно сдѣлало это признаніе; марксистамъ предстояла еще большая работа очищенія демократической мысли отъ романтическихъ наростовъ, но въ основномъ,—въ признаніи романтики,—они уже имѣли нѣкоторый фондъ, полученный въ наслѣдство отъ народниковъ.

Народничество народилось, какъ результатъ исканій демократической мысли. Носителями этихъ исканій были представители такъ называемой интеллигенціи. Но они сознавали свое безсиліе, свою первоначальную изолированность. И они прежде всего обратились къ тому классу, который былъ самымъ многочисленнымъ и самымъ обездоленнымъ,—къ крестьянству. Въ немъ они естественно видѣли ту основную силу, которая явится творцомъ свободной Россіи.

Понадобился тяжелый опытъ, потребовались безчисленныя жертвы, чтобы на опытѣ убѣдиться, что дѣло не такъ легко и просто и что остатки „стародавняго быта“ не являются достаточной основой для расчистки пути къ идеальному будущему. Опытъ „хожденія въ народъ“ далъ слишкомъ мало непосредственныхъ результатовъ, не оправдалъ надеждъ. Но этотъ опытъ былъ необходимъ, чтобы дать демократической мысли толчокъ къ новымъ исканіямъ. Пусть это было отрицательное наслѣдство, учившее, чего не слѣдуетъ дѣлать, но все же это было цѣнное наслѣдство, принятое марксистами:

Даромъ ничто не дается: борьба
Жертвъ искупительныхъ проситъ.

Основной и самой характерной чертой народничества семидесятыхъ годовъ было „хожденіе въ народъ“. Подъ народомъ разумѣлось крестьянство. Промышленный рабочій казался тѣмъ же крестьяниномъ, лишь времен-

но появившимся въ городъ на заработки. Но это былъ крестьянинъ, видавшій виды, болѣе развитой и жившій въ городѣ,—такъ сказать, подъ рукой. Естественно, что народники обратили вниманіе на городскихъ рабочихъ прежде всего какъ на ту среду, изъ которой можно вербовать послѣдователей для дѣятельности въ деревнѣ. Сверхъ того, и интеллигенту, идущему „въ народъ", не лишнее было знать ремесло и имѣть навыкъ въ физическомъ трудѣ: въ городахъ основывались учебныя ремесленныя мастерскія для интеллигентовъ, собирающихся идти въ народъ.

Такимъ образомъ началось сближеніе народниковъ съ пролетарской массой. Съ присущей тогдашнимъ народникамъ самоотверженностью ради этого сближенія они шли на фабрику простыми рабочими и несли всю тяготу жизни чернорабочаго.

Но, сойдясь съ рабочими, народники волей-неволей должны были войти въ кругъ чисто-пролетарскихъ классовыхъ интересовъ. Въ свою очередь и рабочіе, попавшіе въ сферу вліянія народниковъ, вовсе не желали ограничить свою роль ролью учениковъ для будущей работы въ деревнѣ: слышанное отъ народниковъ они воспринимали на свой пролетарскій ладъ и примѣняли къ практикѣ своей чисто-пролетарской дѣятельности. Такимъ образомъ, ко времени появленія на свѣтъ русскихъ марксистовъ въ рабочихъ центрахъ были налицо уже кадры подготовленныхъ рабочихъ; имъ нуженъ былъ лишь небольшой толчокъ, чтобы перейти на классовую, чисто-пролетарскую, марксистскую позицію.

Люди, которые дали этотъ толчокъ своими литературными выступленіями, также прошли раньше народническую школу демократическихъ настроеній и практическихъ навыковъ. И даже въ переходѣ ихъ къ марксизму не малую роль сыгралъ народническій опытъ ма-

лой удачи въ деревнѣ и очень удачной, плодотворной работы среди промышленныхъ рабочихъ. Въ этомъ смыслѣ марксисты явились самыми прямыми наслѣдниками и продолжателями того дѣла, которому отдали свою жизнь лѣвые представители золотого вѣка народничества.

Наконецъ, несомнѣнно, что дѣятельность народниковъ семидесятыхъ годовъ привела и къ непосредственнымъ политическимъ результатамъ: она расчистила политическую почву для послѣдующихъ поколѣній, облегчила условія демократической работы въ Россіи, дала относительную свободу печати, собраній и политическихъ организацій. Этотъ фактъ недостаточно признанъ и оцѣненъ, но это—фактъ. Нужно только умѣть смотрѣть, чтобы видѣть его.

На поверхностный взглядъ результаты были обратные: послѣ убійства царя Александра II наступила, какъ говорятъ, эпоха самой черной реакціи восьмидесятыхъ годовъ. По внѣшности все было задавлено: никакихъ признаковъ свободы печати, собраній, союзовъ (политическихъ организацій). Но слѣдуетъ обратить вниманіе на одинъ фактъ, обычно упускаемый изъ виду либеральными и вообще поверхностными наблюдателями жизни. Этотъ фактъ заключается въ томъ, что подпольная политическая дѣятельность, не считающаяся съ полицейскими рогатками, стала требовать неизмѣримо меньшихъ жертвъ: за что раньше платили десятками лѣтъ каторги и даже жизнью, за то съ восьмидесятыхъ годовъ стали расплачиваться немногими годами ссылки. Это—фактъ достаточно извѣстный, и нужно только указать на него, чтобы заставить признать наличность съ восьмидесятыхъ годовъ большей свободы политической дѣятельности по сравненію съ семидесятыми годами и съ болѣе раннимъ временемъ.

Такимъ образомъ, подводя итоги наслѣдству, полученному марксистами отъ лѣвыхъ народниковъ семиде-

сятыхъ годовъ, мы должны признать, что и въ выработкѣ личности, и въ психологической подготовкѣ къ признанію непримиримости классовыхъ интересовъ, и въ признаніи „политики“, и въ подготовкѣ кадровъ сознательныхъ рабочихъ, и въ облегченіи внѣшнихъ условій политической дѣятельности, и въ выработкѣ практическихъ навыковъ лѣвое народничество семидесятыхъ годовъ оставило марксизму богатое наслѣдство. Самыя ошибки въ народническихъ воззрѣніяхъ той эпохи явились не виною личностей, а виною времени,—результатомъ недостаточнаго развитія капитализма.

И народничество семидесятыхъ годовъ въ цѣломъ, и его представители, какъ личности, обаятельны своей цѣльностью и нравственной красотой. Мы охотно принимаемъ это. Но мы не можемъ не согласиться и съ Фр. Энгельсомъ, который писалъ въ 1894 году:

„Вѣра въ чудодѣйственную силу общиннаго землевладѣнія, изъ нѣдръ котораго будто бы можетъ и должно явиться соціальное перерожденіе,—вѣра, отъ которой не былъ совсѣмъ свободенъ и Чернышевскій, сдѣлали свое дѣло, поднявъ воодушевленіе и энергію героическихъ русскихъ борцовъ. Ихъ было едва нѣсколько сотъ человѣкъ, но своей самоотверженностью и отвагой они давили старый порядокъ до того, что онъ уже принужденъ былъ подумывать объ условіяхъ и о возможности капитуляціи. Такихъ людей мы не потянемъ въ судъ за то, что они считали свой народъ избраннымъ народомъ соціальнаго переворота. Но это вовсе не обязываетъ насъ раздѣлять ихъ иллюзію: время избранныхъ народовъ миновало безвозвратно“.

III.

Въ семидесятыхъ годахъ еще не существовало въ Россіи марксизма и марксистовъ, какъ общественнаго явле-

нія. Но ученіе Маркса было уже извѣстно, первый томъ „Капитала" былъ переведенъ на русскій языкъ и изданъ народникомъ Николаемъ — ономъ. При этомъ издатель вступилъ въ переписку съ Марксомъ, а затѣмъ и съ Энгельсомъ, продолжавшуюся до самой смерти того и другого.

Первоначально Марксъ взглянулъ на появленіе русскаго перевода „Капитала", какъ на литературный курьезъ. Онъ объяснилъ себѣ дѣло тѣмъ, что „русская аристократія" гонится всегда за самымъ крайнимъ изъ того, что даетъ Западъ: „это,—говорилъ онъ,—чистая гастрономія, какой занималась часть французской аристократіи въ XVIII вѣкѣ". Позже, судя по опубликованнымъ письмамъ, Марксъ болѣе серьезно оцѣнилъ появленіе русскаго перевода „Капитала".

Въ Россіи „Капиталъ" читался не только любителями умственной гастрономіи, но и людьми идейными, искавшими въ немъ отвѣта на существенные запросы мысли. Еще до появленія марксистовъ „Капиталъ" рекомендовался, какъ наилучшій источникъ для изученія политической экономіи, отчасти непосредственно вслѣдъ за „Политической экономіей" Милля съ примѣчаніями Н. Г. Чернышевскаго.

Но общее экономическое положеніе (недостаточное развитіе капитализма) и вытекавшее изъ него идеалистическое пониманіе народниками сущности историческаго процесса приводило къ тому, что ученіе Маркса воспринималось очень не полно. Усвоивалась лишь часть его. Принималась трудовая теорія стоимости и изъ нея выводилась отрицательная моральная оцѣнка прибавочной стоимости. Принималось вообще отрицательное отношеніе къ эксплоататорской роли капитализма, но игнорировались какъ рѣшающая роль пролетаріата въ классовой борьбѣ, такъ и вообще значеніе борьбы классовъ

въ историческомъ процессѣ. Изъ ученія историческаго матеріализма дѣлались несоотвѣтственные выводы, шедшіе въ разрѣзъ съ демократической активностью народниковъ, и потому отвергалось самое ученіе.

Но если въ самой Россіи народникамъ семидесятыхъ годовъ еще не приходилось вести замѣтной идейной борьбы съ марксизмомъ, то нѣсколько иначе обстояло дѣло за россійскими предѣлами. Извѣстна борьба Бакунина противъ Маркса въ первомъ Интернаціоналѣ, закончившаяся отколомъ отъ Интернаціонала значительной его части. А бакунизмъ наложилъ глубокій отпечатокъ на идеологію нашего народничества.

Извѣстна также, хотя и въ меньшей мѣрѣ, полемика Энгельса съ русскимъ эмигрантомъ Ткачевымъ. Ткачевъ являлся вождемъ русскихъ „бланкистовъ",— представителей особаго оттѣнка народнической мысли; но основныя положенія народничества Ткачевымъ признавались, и потому его полемику съ Энгельсомъ нельзя исключить изъ исторіи борьбы между народничествомъ и марксизмомъ.

Полемика между Ткачевымъ и Энгельсомъ шла по вопросу о пониманіи природы русскаго государства. Ткачевъ развивалъ ту мысль,—и въ ней онъ повторялъ лишь общее ученіе народничества,—что въ Россіи „нѣтъ городского пролетаріата", „но зато у насъ нѣтъ и буржуазіи": нашимъ рабочимъ придется имѣть дѣло только съ политической властью; притомъ русскіе рабочіе представляютъ изъ себя лишь сельскихъ рабочихъ и являются не пролетаріями, а собственниками. Политическая власть въ Россіи, по Ткачеву, только издали кажется силой: она не имѣетъ корней въ экономической жизни народа: „У васъ,—писалъ Ткачевъ, возражая Энгельсу,—государство —дѣйствительная, а не кажущаяся только сила: оно обѣими ногами опирается на капиталъ; у насъ—

какъ разъ наоборотъ: нашъ общественный строй обязанъ своимъ существованіемъ государству,—государству, такъ сказать, висящему въ воздухѣ, государству, которое не имѣетъ ничего общаго съ существующимъ общественнымъ строемъ, — государству, корни котораго кроются въ прошломъ, а не въ настоящемъ".

Раньше чѣмъ переходить къ возраженіямъ Энгельса, отмѣтимъ бьющія въ глаза противорѣчія въ мысляхъ Ткачева: въ Россіи государство только издали кажется сильнымъ, и въ то же время весь общественный строй обязанъ своимъ происхожденіемъ этому безсильному, висящему въ воздухѣ государству, которое „не имѣетъ ничего общаго" съ имъ же самимъ созданнымъ „общественнымъ строемъ". Припомните, читатель, что пишутъ и писали о Россіи наши историки народническаго и либеральнаго лагеря, вплоть до Милюкова, Мякотина и даже отчасти Ключевскаго, и вы должны будете признать, что эта ихъ мысль была когда-то формулирована Ткачевымъ,—они лишь повторяютъ Ткачева. Откажитесь отъ признанія, что въ основѣ историческаго процесса лежитъ экономика, допустите признаніе, что экономика творится политикой,—и вы неизбѣжно придете къ той наивно-противорѣчивой формулировкѣ, которую далъ когда-то Ткачевъ.

Возражая Ткачеву, Энгельсъ перечислялъ тѣ общественныя группы, благодаря которымъ государство у насъ вовсе не „виситъ въ воздухѣ". Эти группы—земельное дворянство, деревенская буржуазія (кулаки, ростовщики), крупная буржуазія городскихъ центровъ и въ послѣднюю очередь—чиновничество.

Въ Европейской Россіи помѣщикамъ принадлежало въ семидесятыхъ годахъ сто милліоновъ десятинъ земли, а крестьянамъ 105 милліоновъ. „Отсюда видно,—иронизируетъ Энгельсъ,—что помѣщики ни капли не заинте-

ресованы въ существованіи государства, которое охраняетъ ихъ земельную собственность, обнимающую половину страны".

Далѣе, крестьяне платятъ со своей половины 195 милліоновъ рублей податей, а помѣщики 13 милліоновъ,— „И русскіе помѣщики не заинтересованы въ существованіи русскаго государства!"—воскицаетъ Энгельсъ.

Реформа 19 февраля урѣзала крестьянскіе надѣлы и въ огромной мѣрѣ увеличила платежи. „Такія условія,— говоритъ Энгельсъ,—будто нарочно созданы для поощренія ростовщичества,—и ростовщики растутъ, точно грибы послѣ дождя. Когда подходитъ время платить подати, является ростовщикъ, кулакъ,—нерѣдко богатый крестьянинъ той же общины,—и предлагаетъ деньги. Но, взявъ деньги, крестьянинъ попадаетъ въ еще худшее положеніе; нужда въ деньгахъ все болѣе увеличивается. Ко времени жатвы является хлѣбный скупщикъ; нужда въ деньгахъ побуждаетъ крестьянина продавать часть того хлѣба, который необходимъ для его существованія и для семьи... Огромный хлѣбный вывозъ Россіи зиждится прямо на голоданіи крестьянскаго населенія". „Однимъ словомъ,—продолжаетъ Энгельсъ,—нѣтъ такого государства, гдѣ, при всей первобытной дикости буржуазнаго строя, капиталистическій паразитизмъ былъ бы такъ сильно развитъ, такъ опутывалъ бы своими сѣтями всю страну, всю народную массу, какъ въ Россіи". И всѣ эти элементы зачаточной буржуазіи будто бы не заинтересованы въ существованіи государства, законы и суды котораго охраняютъ ихъ пріятное прибыльное занятіе?

Далѣе Энгельсъ указывалъ, что въ существованіи русскаго государства заинтересована и вся крупная торговая и промышленная буржуазія, быстро выросшая благодаря желѣзнымъ дорогамъ и охранительнымъ таможеннымъ пошлинамъ.

И наконецъ, существованіемъ даннаго государства обусловливается привилегированное положеніе безчисленной арміи чиновниковъ, которые образуютъ собою въ Россіи цѣлое сословіе.

Что могъ противопоставить Ткачевъ всѣмъ этимъ силамъ, охраняющимъ царское самодержавіе? Онъ могъ указать лишь на крестьянство съ его общиной и артелью, которыя будто бы свидѣтельствуютъ, что русскій крестьянинъ, не въ примѣръ крестьянамъ другихъ странъ, является прирожденнымъ соціалистомъ.

Энгельсъ останавливаетъ свое вниманіе на этихъ основахъ народническихъ иллюзій.

Что такое артель? Это—простѣйшая форма коопераціи. Она не славянскаго, а татарскаго происхожденія и встрѣчается у киргизовъ, якутовъ и т. д., а съ другой стороны—у лапландцевъ, самоѣдовъ и другихъ финскихъ племенъ. Поэтому артель первоначально развивается у русскихъ на сѣверѣ и на востокѣ, по сосѣдству съ финнами и татарами. Артель устраивается: 1) для временнаго предпріятія, по окончаніи котораго она распадается; 2) между лицами, занятыми одной и той же работой, напримѣръ, грузчиками, носильщиками и т. д.; 3) для собственно-промышленныхъ, постоянныхъ предпріятій. Артель, при недостаткѣ денежныхъ средствъ, часто попадаетъ въ руки ростовщиковъ. Но еще безобразнѣе эксплоатируются тѣ артели, которыя нанимаются къ подрядчику; такая артель освобождаетъ подрядчика отъ расходовъ по надзору и служитъ, слѣдовательно, лишь къ тому, чтобы облегчать капиталисту эксплоатацію рабочихъ. Съ другой стороны, существуютъ и такія артели, которыя сами эксплоатируютъ наемныхъ рабочихъ.

Поскольку артель является зачаточной формой коопераціи, она встрѣчается во всѣхъ странахъ. И существо-

ваніе артелей въ Россіи далеко еще не доказываетъ, что русскій народъ можетъ перескочить прямо къ соціалистическому строю; для этого нужно, чтобы артель поднялась по крайней мѣрѣ до уровня европейскихъ кооперативовъ. Но Ткачевъ—противъ этого; съ „крайне характерной для его точки зрѣнія“ гордостью онъ заявляетъ, что „искусственно пересаженныя недавно въ Россію кооперативныя и кредитныя товарищества нѣмецкаго образца приняты большинствомъ нашихъ рабочихъ съ полнѣйшимъ равнодушіемъ и почти вездѣ потерпѣли крушеніе“.

Относительно общины Ткачевъ писалъ, что нашъ народъ въ огромной своей массѣ проникнутъ принципами общиннаго владѣнія и является коммунистомъ по инстинкту, по традиціи; отсюда слѣдуетъ, что нашъ народъ, „несмотря на свое невѣжество, гораздо ближе къ соціализму, чѣмъ народы Западной Европы, хотя они и образованнѣе русскаго народа“.

Въ дѣйствительности,—возражаетъ Энгельсъ,—общинное землевладѣніе присуще всѣмъ индо-германскимъ народамъ на низшей ступени ихъ развитія. По мѣрѣ же развитія община превращается въ тормазъ сельскохозяйственнаго производства и отмираетъ. Если же община въ Великороссіи еще жива, то это даетъ лишь поводъ думать, что сельское хозяйство и общественныя деревенскія отношенія находятся здѣсь еще на очень низкой ступени развитія.

Русскій крестьянинъ живетъ только интересами своей общины; подобная отчужденность одной общины отъ другой составляетъ самую естественную основу восточнаго деспотизма. Развитіе Россіи въ буржуазномъ направленіи постепенно уничтожитъ и здѣсь общинную собственность, тѣмъ болѣе что въ русской общинѣ уже началось разложеніе—раздѣленіе крестьянъ на богатыхъ

эксплоататоровъ и на эксплоатируемыхъ бѣдняковъ; а при наличности чрезмѣрныхъ платежей община обращается для многихъ крестьянъ въ цѣпи: крестьяне бѣгутъ изъ общины, бросая свои земли и предпочитая положеніе бездомнаго пролетарія.

Отсюда видно,—продолжаетъ Энгельсъ,—что русская община уже пережила періодъ своего расцвѣта и идетъ къ гибели. „Тѣмъ не менѣе, несомнѣнно, существуетъ возможность превратить эту общественную форму въ высшую, болѣе развитую, *если только* она сохранится до того времени, когда созрѣютъ необходимыя для того условія, и *если она окажется* способною къ развитію въ смыслѣ перехода крестьянъ отъ индивидуальной обработки земли къ общественной... Но это можетъ произойти *лишь въ томъ случаѣ, если* еще до окончательнаго разложенія общинной собственности въ Россіи совершится въ Западной Европѣ пролетарская революція... Поэтому г. Ткачевъ говоритъ чистѣйшую безсмыслицу, утверждая, что русскіе крестьяне, хотя и являются собственниками, все же стоятъ ближе къ соціализму, чѣмъ лишенные собственности рабочіе Западной Европы. Какъ разъ наоборотъ. *Если что и можетъ еще спасти* русскую общину и дать ей возможность перейти въ новую, дѣйствительно жизнеспособную форму, такъ это именно пролетарская революція въ Западной Европѣ“.

Это мнѣніе Энгельса о возможной судьбѣ русской общины интересно тѣмъ, что оно было позже повторено Энгельсомъ и Марксомъ въ нѣсколько болѣе сжатой формѣ, въ предисловіи къ русскому изданію „Коммунистическаго Манифеста“, въ переводѣ Плеханова. Народники, продолжавшіе возлагать надежды на общину, безчисленное множество разъ использовали это предисловіе для доказательства мысли, что русскіе марксисты будто бы разошлись съ Марксомъ въ этомъ вопросѣ; при

этомъ народники совершенно игнорировали тѣ „если“, которыми обусловливали Марксъ и Энгельсъ свою мысль о возможности перехода общины въ высшую форму общественности [1]).

Ткачевъ утверждалъ, что русскій народъ безпрерывно протестуетъ политически. Протестъ выражается въ формѣ религіозныхъ сектъ, отказа отъ уплаты податей, разбойничьихъ шаекъ, поджоговъ, бунтовъ, — и потому можно назвать русскій народъ инстинктивнымъ революціонеромъ. Энгельсъ возражаетъ Ткачеву, но мы не станемъ передавать этихъ возраженій, такъ какъ въ настоящее время достаточно привести указанныя мысли Ткачева, чтобы показать, какъ велика была ошибка.

Полемика Энгельса съ Ткачевымъ имѣетъ большой историческій интересъ, такъ какъ уже въ возраженіяхъ Энгельса, сдѣланныхъ Ткачеву въ 1875 году, мы находимъ яркую, хотя и сжатую, формулировку тѣхъ мыслей, которыя позже получили болѣе полное выраженіе въ полемикѣ марксистовъ противъ народничества.

Къ заслуживающимъ вниманія эпизодамъ семидеся-

[1]) Приводимъ полностью это предисловіе, написанное въ январѣ 1882 года: „На ряду съ развивающимся съ головокружительной быстротой капитализмомъ и только еще образующейся буржуазной земельной собственностью мы находимъ въ Россіи общинную собственность крестьянъ, обнимающую большую половину земель. Возникаетъ вопросъ: можетъ ли русская община, эта дѣйствительно уже сильно разложившаяся форма первобытной общественной собственности на землю, перейти прямо въ высшую коммунистическую форму земельной собственности, — или она должна предварительно пройти тотъ же процессъ разложенія, которымъ характеризуется историческое развитіе Запада? На этотъ вопросъ въ настоящее время можетъ быть только одинъ отвѣтъ: если русская революція дастъ сигналъ къ рабочей революціи на Западѣ, такъ что обѣ революціи будутъ взаимно дополнять другъ друга, то тогда русская общинная собственность можетъ сдѣлаться исходнымъ пунктомъ коммунистическаго развитія“.

тыхъ годовъ относится также статья Н. Михайловскаго „Карлъ Марксъ передъ судомъ Ю. Жуковскаго“, напечатанная въ журналѣ „Отечественныя Записки“ въ 1877 году. Статья эта тогда же вызвала со стороны Маркса отвѣтное письмо въ редакцію „Отеч. Записокъ“, но опубликовано было это письмо только послѣ смерти Маркса, уже въ 80-хъ годахъ.

Н. Михайловскій исходилъ изъ положенія, что капиталистическое хозяйство въ Россіи еще очень мало подвинулось впередъ, что крестьянство еще не пролетаризовано, что капиталъ нашъ, по сравненію съ европейскимъ, является мизернымъ,—словомъ, что для Россіи капитализмъ—еще вопросъ будущаго. Между тѣмъ Марксъ далъ будто бы историко-философскую теорію, гласящую, что всякая страна обязательно должна пройти черезъ капитализмъ, а слѣдовательно, и черезъ предшествующій ему мучительный періодъ обнищанія массъ, отрыванія мелкаго хозяина отъ средствъ производства. Поэтому русскій послѣдователь Маркса долженъ оказаться въ „странномъ и трудномъ положеніи“: онъ долженъ повторить сознательно тотъ процессъ разоренія мелкихъ хозяевъ, который въ передовыхъ странахъ капитализма совершался стихійно: онъ, съ точки зрѣнія теоріи Маркса, не долженъ протестовать противъ разоренія и обнищанія массъ.

Въ своемъ возраженіи Н. Михайловскому Марксъ указывалъ, что онъ вовсе не давалъ историко-философской теоріи объ обязательности для каждой страны пройти черезъ капитализмъ; онъ далъ лишь историческій очеркъ образованія капитала, такъ называемаго „первоначальнаго накопленія“. Но если страна уже вступила на путь капиталистическаго хозяйства, то она неизбѣжно подпадетъ подъ власть законовъ этого хозяйства. Что касается, въ частности, Россіи, то она уже сдѣлала большіе шаги въ направленіи къ капитализму.

Такимъ образомъ, Марксъ исходилъ, по отношенію къ Россіи, изъ существующаго факта, изъ признанія наличности капитализма въ Россіи. А. Михайловскій умалялъ эту наличность, закрывалъ глаза на то, что есть, и вопросъ о фактѣ превращалъ въ вопросъ о желательномъ или о должномъ. Въ этомъ обмѣнѣ мнѣній между Михайловскимъ и Марксомъ уже былъ, такимъ образомъ, поставленъ на очередь споръ между марксистами и народниками по вопросу о „судьбахъ капитализма въ Россіи“.

IV.

Народничество семидесятыхъ годовъ можетъ быть опредѣлено, какъ форма мышленія демократической интеллигенціи эпохи недоразвившагося капитализма. Естественно было тяготѣніе этой интеллигенціи къ культурнымъ и политическимъ формамъ буржуазнаго строя передовыхъ европейскихъ странъ. Но въ Россіи интеллигенція не сумѣла найти тѣхъ элементовъ населенія, которые въ данный моментъ активно готовы были бы бороться за буржуазный строй: буржуазная масса, занимавшаяся въ значительной долѣ внѣзаконными и грубыми формами экспропріаціи крестьянства, естественно, предпочитала тотъ строй, который остался ей въ наслѣдство отъ крѣпостнической эпохи,— предпочитала самодержавіе.

Не видя класса, къ которому она могла бы примкнуть во имя идеаловъ буржуазно-демократическаго будущаго (или, выражаясь интеллигентскимъ языкомъ, на который она могла бы „опереться“), демократическая интеллигенція направила свою активность на мелкаго производителя-крестьянина. Идеологія тогдашняго крестьянина, втягиваемаго въ товарный оборотъ, экспропріируемаго и разоряемаго, естественно, была окрашена отрицатель-

нымъ отношеніемъ къ новшествамъ капитализма. Тѣмъ же отрицаніемъ прониклась и народническая интеллигенція. Отсюда проистекло ея отрицательное отношеніе ко всему буржуазному, въ томъ числѣ къ формамъ „буржуазной“ политической свободы, „буржуазной“ политической борьбы.

Получилось трагическое противорѣчіе между объективными задачами и субъективными настроеніями: объективная задача—осуществленіе „буржуазной“ политической свободы—вступала въ конфликтъ съ субъективнымъ настроеніемъ, отрицавшимъ эту задачу.

Не трудно было предвидѣть, въ какую сторону должно было развиваться народничество той эпохи: объективная задача должна была взять верхъ надъ субъективными настроеніями. Этимъ и слѣдуетъ объяснить быстрое разочарованіе народниковъ въ „хожденіи въ народъ“, фактическое забвеніе лозунга „все посредствомъ народа“, презрительное отношеніе къ дѣятельности въ народѣ (о которой стали говорить, какъ о „сидѣньѣ въ народѣ“ и „болтовнѣ о народѣ“). Отрицаніе политики превратилось во взглядъ на политическія задачи, какъ на исключительную цѣль момента; отрицаніе „буржуазнаго общества“ смѣнилось переносомъ упованій именно на это „общество“, буржуазность котораго уничтожалась простымъ отбрасываніемъ слова „буржуазный“. Но такъ какъ „общество“ не проявляло активности, то всю задачу осуществленія новыхъ политическихъ формъ брала на себя передовая народническая интеллигенція.

Но если ни народъ, ни „общество“ въ своемъ цѣломъ не могли явиться активной силой, если вся тяжесть должна была лечь на плечи небольшой (сравнительно) интеллигентской группы, то должно было измѣниться представленіе и о методахъ политической дѣятельности: массовое движеніе замѣнялось героическими усиліями

кучки заговорщиковъ, которые должны были произвести „захватъ власти“.

А что предполагалось дѣлать по осуществленіи захвата власти кучкой заговорщиковъ? Раньше, въ семидесятыхъ годахъ, бланкистъ Ткачевъ рекомендовалъ этой кучкѣ самой же заняться осуществленіемъ соціализма. Но къ концу семидесятыхъ годовъ эта идея была отвергнута. Вмѣсто того предполагалось, что захватъ власти долженъ повести только къ расчисткѣ пути для проявленія воли русскаго „народа“, „соціалистическаго по своей природѣ“,—для проявленія „народной воли“. Новое теченіе народничества стало поэтому называть себя „партіей Народной Воли“ или народовольчествомъ.

Народовольчество проявило максимумъ доступной человѣку энергіи. Было сдѣлано все, что вообще могла бы сдѣлать въ данномъ положеніи человѣческая воля. И въ началѣ восьмидесятыхъ годовъ уже обнаружилось идейное крушеніе этого теченія: на мѣсто выбывающихъ старыхъ дѣятелей не являлось новыхъ дѣятелей такого же калибра. Силы таяли. Разбродъ мысли и упадокъ энергіи все увеличивались. На мѣсто политической платформы выступало фантазерское прожекторство,—въ родѣ самозванства или чисто военнаго заговора.

Золотой вѣкъ народничества кончился: оно исчерпало себя, какъ выраженіе крайней лѣвой и самой послѣдовательной для своего времени демократической мысли. Наступила пора пересмотра основныхъ воззрѣній, коренной критики недавнихъ истинъ.

Эту задачу взялъ на себя образовавшійся за границей кружокъ бывшихъ народниковъ, выступившій подъ именемъ „Группы Освобожденія Труда“.

Члены этого кружка играли раньше видную роль въ народническомъ, но не въ народовольческомъ движеніи.

Дѣятельность ихъ, какъ народниковъ, проходила отчасти и въ рабочей средѣ: отсюда они вынесли убѣжденіе въ воспріимчивости пролетаріата къ новымъ идеямъ. А потомъ жизнь за границей дала имъ возможность ближе познакомиться съ идейнымъ содержаніемъ рабочаго движенія въ передовыхъ европейскихъ странахъ, и они опредѣленно стали на точку зрѣнія марксизма. Тѣмъ не менѣе, въ своей борьбѣ противъ народническихъ взглядовъ они обращались не столько къ русскимъ рабочимъ, сколько къ интеллигенціи, и говорили не столько о задачахъ пролетаріата, сколько о задачахъ интеллигенціи, идущей въ пролетаріатъ, о задачахъ, какъ говорилось, соціалистовъ „изъ привилегированной среды". Ставился, напримѣръ, вопросъ не о томъ, можетъ ли и какъ можетъ организоваться пролетаріатъ при русскихъ политическихъ условіяхъ, а о томъ, возможно ли „сліяніе" съ рабочими, возможна ли дѣятельность „въ рабочей средѣ".

Въ такой постановкѣ вопроса еще слышится голосъ народнической и вообще демократической интеллигенціи той эпохи, искавшей себѣ „опоры" въ той или иной средѣ и соотвѣтственно избранной для „опоры",—средѣ, бéзсознательно мѣнявшей свою окраску. Но большимъ шагомъ впередъ съ самаго начала дѣятельности „Группы Освобожденія Труда" было провозглашеніе принципа, что освобожденіе пролетаріата можетъ быть дѣломъ только самого пролетаріата, что иниціативу такого движенія можетъ взять на себя только пролетаріатъ; а интеллигенція должна оставить всякую мысль о „захватѣ власти" въ свои руки и направить всѣ усилія только къ одной цѣли,—къ созданію пролетарской партіи и къ устраненію всѣхъ препятствій для ея развитія.

Что касается крестьянской общины, то ей отводилась не активная, а пассивная роль: она не способна двинуть

Россію впередъ; она можетъ быть полезна лишь въ томъ отношеніи, что въ ней меньше, чѣмъ въ мелкомъ подворномъ землевладѣніи, встрѣтитъ препятствій новый строй. А по внутреннему характеру своей организаціи община стремится уступить мѣсто буржуазнымъ, но вовсе не соціалистическимъ формамъ жизни. Поэтому и послѣбуржуазный строй никоимъ образомъ не можетъ вырасти изъ того „мѣщанско-крестьянскаго" ученія, проповѣдниками котораго являлись народники.

Такимъ образомъ, „Группа Освобожденія Труда" окончательно порывала съ герцено-бакунинскимъ призывомъ къ возрожденію „стародавнихъ формъ" жизни и освобождалась отъ реакціонно-романтическихъ утопій. Переворотъ въ воззрѣніяхъ, по сравненію съ народниками, былъ настолько глубокъ, что мы должны теперь остановить вниманіе читателя на возникшихъ разногласіяхъ.

Но предварительно нужно сказать нѣсколько словъ о постановкѣ вопроса со стороны „Группы Освобожденія Труда". Она провозглашала, что дѣло освобожденія рабочихъ можетъ быть дѣломъ только самихъ рабочихъ; она боролась противъ идеи „замѣстительства" пролетарскихъ массъ идеологами изъ интеллигентской, — по существу, буржуазной,—среды; а въ то же время, въ первыхъ своихъ литературныхъ выступленіяхъ, она обращалась почти исключительно къ этой буржуазной интеллигенціи, или, какъ она выражалась, къ русскимъ „соціалистамъ". Народническая интеллигенція, субъективно отрицая буржуазію, буржуазное общество, буржуазную политическую свободу, объективно являлась борцомъ именно за буржуазныя формы общественности. „Группа Освобожденія Труда", проповѣдуя созданіе самостоятельной пролетарской партіи, но обращаясь главнымъ образомъ къ элементамъ непролетарскимъ, также впадала въ противорѣчіе сама съ собой: элементъ „ис-

пользованія“ пролетаріата для завоеванія буржуазныхъ политическихъ формъ подчасъ явственно проглядывалъ въ рѣчахъ о созданіи самостоятельной политической партіи пролетаріата.

Укажу на одинъ характерный въ этомъ отношеніи примѣръ,—на аргументацію Г. В. Плеханова въ „письмѣ третьемъ“ брошюры „О задачахъ соціалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ въ Россіи“, вышедшей, кажется, въ 1892 году, то-есть почти черезъ десять лѣтъ послѣ первыхъ выступленій въ печати „Группы Освобожденія Труда“.

Среди тогдашнихъ такъ называемыхъ „соціалистовъ“ изъ интеллигентской среды обозначилось теченіе, которое рекомендовало „на время“ отказаться отъ соціализма. Плехановъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ позицію этого теченія. „Видя энергію буржуазіи и ея твердую рѣшимость добиться представительнаго правленія, мы пристаемъ къ ней и боремся въ ея рядахъ вплоть до желаннаго дня побѣды. Когда наступаетъ этотъ день, мы подводимъ итогъ своей дѣятельности и находимъ, что, хотя за все время нашего союза съ буржуазіей мы не могли и думать о выясненіи пролетаріату противоположности его интересовъ съ интересами эксплоататоровъ, но наше дѣло... все-таки очень много выиграло благодаря принятой нами тактикѣ. Мы завоевали политическую свободу, а она впервые даетъ намъ возможность вести въ широкихъ размѣрахъ“ работу по созданію пролетарской партіи.

Что возражалъ на это Г. В. Плехановъ? Въ началѣ „Письма“ онъ устанавливалъ то вѣрное положеніе, что, работая въ рядахъ буржуазіи, вы все же остаетесь буржуазнымъ дѣятелемъ („буржуа“), хотя бы результатъ вашей работы и оказался полезнымъ пролетаріату. Напримѣръ, „если вы боретесь за свободу торговли въ рядахъ буржуазіи, то фактически вы—буржуа, какъ бы

вы ни разсуждали о послѣдствіяхъ вашей побѣды... не мѣшаютъ и вамъ фактически быть чистокровнымъ буржуазнымъ дѣятелемъ ваши размышленія о разрушительныхъ послѣдствіяхъ свободы торговли". Дѣло не въ вашихъ размышленіяхъ, а въ томъ, чтобы ваша дѣятельность непосредственно способствовала росту классоваго сознанія пролетаріата.

Если бы Плехановъ обращался съ своимъ „Письмомъ" къ рабочимъ, онъ ограничился бы тѣми указаніями, которыя мы привели. Но для читателя-интеллигента, который называетъ себя соціалистомъ, но готовъ „опереться" и на буржуазію (то есть фактически—служить буржуазіи) приведенная нами аргументація недостаточна. И Плехановъ переходитъ къ аргументаціи другого рода.

Онъ ставитъ вопросъ: можно ли указать въ исторіи хоть одинъ примѣръ завоеванія политической свободы силами одной только буржуазіи? Нѣтъ, въ ней „нѣтъ и тѣни подобнаго примѣра". Всегда и вездѣ буржуазія проходила къ власти силами народа,—главнымъ образомъ пролетаріата.

Въ моменты переворотовъ буржуазія активно выступала въ лицѣ своихъ мало вліятельныхъ слоевъ,—мелкихъ торговцевъ и ремесленниковъ, учащейся молодежи и „богемы" (тогдашней интеллигенціи); рѣшающая роль всегда принадлежала народу. И если вы не обратитесь къ рабочимъ, то обратится къ нимъ сама буржуазія. Но обратится лишь въ извѣстныхъ предѣлахъ, съ большой осторожностью, постоянно боясь, чтобы пролетаріатъ не доросъ невзначай до классоваго сознанія. А благодаря этому и пролетаріатъ не выступитъ съ той энергіей, на какую способенъ. Чтобы развить всю возможную энергію пролетаріата, интеллигенція должна поэтому „твердо и неизмѣнно держаться соціализма".

Во всей этой аргументаціи для насъ интересенъ не

столько Плехановъ, сколько его тогдашняя аудиторія. Убѣжденія ея со стороны Плеханова явнымъ образомъ направлены къ тому, чтобы привлечь къ работѣ по созданію пролетарской партіи людей, которымъ собственно до пролетарскихъ интересовъ мало дѣла, которымъ близки лишь интересы буржуазной политической свободы. Въ этомъ былъ одинъ изъ источниковъ силы плехановской агитаціи въ средѣ буржуазной интеллигенціи; но въ этомъ же и основа того почти поголовнаго бѣгства интеллигенціи отъ рабочихъ, которое наступило послѣ 1906 года, послѣ того какъ въ Россіи появились первые зачатки буржуазнаго государственнаго строя. Этотъ фактъ,—фактъ наводненія русскаго марксизма элементами, очень далекими отъ классовой идеологіи пролетаріата въ ея цѣломъ,—постоянно нужно имѣть въ виду при изученіи исторіи марксизма въ Россіи. Интеллигентскій „марксизмъ“ въ извѣстной своей части являлся продолжателемъ интеллигентскаго народничества: это все то же исканіе класса, на который можно было бы „опереться“, и приспособленіе своей идеологіи къ идеологіи класса, избраннаго для „опоры“.

Но разъ вмѣсто мелкаго производителя, золотой вѣкъ котораго въ прошломъ, избирается въ качествѣ „опоры“ пролетаріатъ, классъ будущаго, неизбѣжна смерть романтическо-реакціонныхъ утопій, болѣе внимательное изученіе тенденцій общественнаго развитія и глубокій переворотъ во взглядахъ на общественныя явленія, коренная переоцѣнка старыхъ цѣнностей романтической эпохи. Къ этой переоцѣнкѣ мы и перейдемъ.

V.

Мелкое производство терпитъ крушеніе съ ходомъ капиталистическаго развитія. Поэтому представленіе о лучшихъ временахъ связывается у мелкаго производи-

теля не съ будущимъ, а съ прошлымъ,—со „стародавнимъ бытомъ“. Въ лучшемъ случаѣ онъ не замѣчаетъ тѣхъ измѣненій, которыя совершаются вокругъ него; въ худшемъ—онъ видитъ въ этихъ измѣненіяхъ только худое, только угрозу себѣ. Народничество, стоявшее на мелкобуржуазной точкѣ зрѣнія, должно было стать и до извѣстной степени стало на такую же позицію по отношенію къ прошлому и къ будущему, по отношенію къ хозяйственному развитію Россіи. Въ лучшемъ случаѣ оно не замѣчало роста капитализма, разрушенія устоевъ стародавняго быта и нарожденія новаго класса,—пролетаріата. Въ худшемъ случаѣ—оно видѣло во всемъ этомъ только враждебныя явленія.

„Каждый день приноситъ намъ новыхъ враговъ, создаетъ новые, враждебные намъ, общественные факторы“,—писали они.—„Огонь подбирается и къ нашимъ государственнымъ формамъ. Теперь онѣ мертвы, безжизненны. Экономическій прогрессъ пробудитъ въ нихъ жизнь, вдохнетъ въ нихъ новый духъ, дастъ имъ силу и крѣпость, которыхъ пока еще въ нихъ нѣтъ“. Каждый день уменьшаетъ шансы торжества идеаловъ народничества. Поэтому нужно спѣшить. Россія пока еще находится, съ точки зрѣнія соціализма, въ болѣе выгодныхъ условіяхъ, чѣмъ передовыя европейскія страны.

Правда, ея населеніе невѣжественно и чуждо политическимъ интересамъ; зато оно имѣетъ общину; за то въ Россіи слаба буржуазія, и старое государство не имѣетъ сколько-нибудь устойчиваго соціальнаго основанія.

Марксизмъ противопоставилъ этой романтической точкѣ зрѣнія, являющейся основой утопическихъ плановъ, свою точку зрѣнія,—изученіе общественности въ ея развитіи, опредѣленіе роли дѣятельной личности, согласующей свое поведеніе съ ходомъ и условіями развитія.

Онъ занялся опредѣленіемъ и той линіи развитія, по которой идетъ община,—этотъ основной устой народничества.

Въ книжкѣ „Наши разногласія" Г. В. Плехановъ подробнѣе развилъ и обосновалъ тотъ взглядъ на русскую земельную общину, который уже былъ высказанъ раньше Фр. Энгельсомъ. Народники прославляли прочность общины, пережившей вѣка. „Сельскія общины,—возражалъ Плехановъ,—обнаруживаютъ несомнѣнную живучесть до тѣхъ поръ, пока онѣ не выходятъ изъ условій натуральнаго хозяйства". Но онѣ оказываются безсильными и беззащитными передъ экономическимъ развитіемъ: ростъ денежнаго хозяйства и товарнаго производства разрушаетъ общину. Въ ней появляется разслоеніе на бѣдныхъ и богатыхъ. Земля постепенно скопляется въ рукахъ зажиточнаго слоя, близкаго по своему духу къ городской буржуазіи. А бѣдняки или выкидываются изъ общины и превращаются въ пролетаріевъ, или подвергаются усиленной эксплоатаціи со стороны своихъ болѣе счастливыхъ односельчанъ.

Русская община разлагается ускореннымъ темпомъ благодаря еще и тѣмъ условіямъ, въ которыя поставленъ крестьянинъ реформой 19 февраля 1861 года, съ ея непомѣрными выкупными платежами.

Эти платежи во многихъ мѣстахъ значительно превышаютъ доходность земли, и разоряющееся крестьянство бѣжитъ въ отхожіе промыслы, откупаясь отъ права быть членомъ общины, отъ общинныхъ путъ. Поскольку рѣчь идетъ о такъ называемыхъ легальныхъ народникахъ („общинофилахъ"), — они возлагаютъ надежды, въ отношеніи спасенія общины, на то самое правительство, которое является выразителемъ интересовъ вовсе не мелкаго производителя.

Но если бы даже община была освобождена отъ

чрезмѣрныхъ выкупныхъ платежей и другихъ неблагопріятныхъ политическихъ условій,—это все-таки не спасло бы ея. Тамъ, гдѣ доходность земли выше, чѣмъ платежи, общинники крѣпко держатся за однажды попавшіе въ ихъ руки участки земли; сроки передѣловъ удлиняются, общинная собственность фактически превращается въ собственность индивидуальную. А гдѣ удлиняются сроки передѣловъ, тамъ возрастаетъ экономическое неравенство между общинниками. Такимъ образомъ облегченіе податной тяготы и увеличеніе доходности отъ земли,—мѣры, рекомендуемыя для спасенія общины,—только ускорятъ превращеніе общиннаго землевладѣнія въ подворное. Мелкое земледѣліе стремится принять буржуазный характеръ. И вопросъ о крупномъ или мелкомъ сельскомъ хозяйствѣ сводится къ вопросу о торжествѣ крупной или мелкой буржуазіи.

Всѣ эти утвержденія Г. В. Плехановъ подкрѣплялъ многочисленными фактами, взятыми изъ жизни общины разныхъ концовъ Россіи.

Что касается будущихъ судебъ общины, то и здѣсь Плехановъ развивалъ положенія, высказанныя Марксомъ и Энгельсомъ, и подчеркивалъ отсутствіе у общины иниціативы къ переходу въ высшую общественно-хозяйственную форму.

Товарно-денежное хозяйство уже проникло въ деревню, привело къ разслоенію общественниковъ и часъ за часомъ глубже подтачиваетъ существованіе общины. Капитализмъ проникъ въ сельское хозяйство и овладѣваетъ имъ. Не лучше обстоитъ дѣло и съ другой формой „народнаго“ производства,—съ кустарными промыслами. Положительную сторону кустарнаго производства народники видѣли въ томъ, что кустарь не отрывается отъ сельскаго хозяйства, отъ „крестьянства“; въ то же время это „народное“ производство будто бы успѣшно

конкурируетъ съ производствомъ капиталистическимъ; а кустарь благополучно остается самостоятельнымъ хозяиномъ, не падая, не спускаясь до уровня пролетарія.

Въ отвѣтъ на это марксисты указали, что капитализмъ дѣлаетъ быстрыя завоеванія и въ тѣхъ областяхъ производства, въ которыхъ будто бы царитъ самостоятельное „народное" производство. Россія лишь повторяетъ тотъ процессъ, которымъ шелъ капиталъ въ другихъ странахъ. Мануфактурное производство вездѣ имѣло своимъ основаніемъ городское ремесло и сельскіе побочные (домашніе) промыслы. Развитіе капитализма, уничтожая эти промыслы въ одномъ мѣстѣ, само же вызывало ихъ созданіе въ другихъ мѣстахъ, поскольку они были полезны капиталу въ обработкѣ сырья. Напримѣръ, у насъ ситцевые фабриканты закупаютъ пряжу и сдаютъ ее ткачамъ для работы на дому. Такимъ образомъ, кустарное производство въ области обработки хлопка было создано именно проникновеніемъ капитализма въ деревню и выгодностью домашняго производства для капиталистовъ, а вовсе не для рабочихъ, такъ какъ добавочный доходъ отъ земледѣлія даетъ возможность работнику довольствоваться болѣе низкой заработной платой. Другіе кустарные промыслы идутъ по тому же пути усиливающейся зависимости отъ капитала, по которому далеко впередъ ушло кустарное производство въ области обработки хлопка.

Проникновеніе капиталистическихъ вліяній и отношеній въ область земледѣлія и кустарныхъ промысловъ тѣсно связано съ общимъ быстрымъ развитіемъ капитализма въ Россіи. Народники или не замѣчали этого развитія, или же, видя въ немъ гибель своихъ романтическихъ упованій, старались закрывать на него глаза, умалять его количественную сторону. Когда же не замѣчать роста капитализма стало невозможно,—народники

выдвинули ученіе о невозможности для хозяйства Россіи идти по капиталистическому пути. Въ печати это ученіе выдвинулъ первоначально Воронцовъ, подписывавшій свои статьи двумя буквами „В. В.“. Воронцовъ принадлежалъ къ правому крылу народниковъ, но его ученіе было принято и лѣвыми.

В. В. приписывалъ ростъ капитализма въ Россіи „искусственнымъ“ мѣрамъ правительства и, не понимая классового характера государства, обращался къ этому же самому правительству съ уговариваніями сойти съ ошибочнаго, ни къ чему не ведущаго, пути экономической политики поощренія капитализма. А демократическіе народники отличались отъ В. В. лишь тѣмъ, что надѣялись подѣйствовать не уговариваніями, а силой. Но и правые народники, возлагавшіе всѣ упованія на правительство или на „общество“, и лѣвые народники одинаково переносили предметъ спора изъ области обсужденія существующаго въ область сужденій о возможномъ, желательномъ и должномъ.

Отъ вопроса о ростѣ капитализма и пролетаризаціи массъ народники, слѣдуя примѣру В. В., отмахнулись ссылкой на статистическія данныя, доказывавшія будто бы, что въ Россіи количество фабрично-заводскихъ рабочихъ не увеличивается: въ 1842 году ихъ считалось 456 тысячъ, въ 1854 году 460 тысячъ, а въ 1866 году 393 тысячи. Не трудно было разоблачить всю вздорность этихъ статистическихъ данныхъ; о невѣрности ихъ въ настоящее время нѣтъ смысла распространяться, такъ какъ уже нѣтъ и споровъ о томъ, развивался или не развивался у насъ капитализмъ, росло или не росло число пролетаріевъ. Жизнь давно рѣшила этотъ споръ въ пользу тѣхъ утвержденій, которыя высказывались марксистами. А писаній В. В., который и въ началѣ 20-го вѣка еще твердилъ свое, никто уже не читаетъ.

Ростъ капитализма и проникновеніе его вліянія въ самыя глухія земледѣльческія захолустья подтверждался безчисленными изслѣдованіями и показаніями наблюдателей уже давно,—и до появленія народничества, и въ періодъ его развитія. И если народники не смогли достаточно быстро оцѣнить этотъ фактъ, то на это были свои причины. Главная изъ нихъ та, что форма, въ которой появлялись капиталистическія отношенія въ Россіи, не соотвѣтствовала обычнымъ представленіямъ о развитыхъ капиталистическихъ отношеніяхъ: это были отсталыя формы, соотвѣтствующія болѣе раннимъ ступенямъ капитализма; это были формы періода преобладанія такъ называемаго „первоначальнаго накопленія“ или, по выраженію Энгельса, формы капиталистическаго паразитизма. Признавалъ и подчеркивалъ отсталость русскаго капитализма и Г. В. Плехановъ въ книгѣ „Наши разногласія“. Онъ писалъ:

„Главный потокъ русскаго капитализма пока еще не великъ; еще немного такихъ мѣстъ въ Россіи, гдѣ отношенія нанимателя къ работнику совершенно соотвѣтствовали бы общераспространенному представленію объ отношеніяхъ труда къ капиталу въ капиталистическомъ обществѣ“.

Но слѣдуетъ принимать во вниманіе не только то, что есть, но и то, къ чему идетъ дѣло; нужно изучать общественныя отношенія не въ ихъ неподвижномъ состояніи, а въ ихъ движеніи, въ ихъ развитіи. А если посмотрѣть на дѣло съ этой стороны, то окажется, что въ капиталистическій потокъ „направляется такое множество мелкихъ и крупныхъ ручейковъ, ручьевъ и рѣчекъ, что общая масса направляющейся къ нему воды огромна, и быстрый, сильный ростъ потока не подлежитъ сомнѣнію; его уже нельзя остановить, еще менѣе можно его высушить; остается лишь регулировать его

теченіе, если мы не хотимъ, чтобы онъ принесъ намъ одинъ только вредъ, если мы не отказываемся отъ надежды хотя отчасти подчинить стихійную силу природы разумной дѣятельности человѣка".

Такова постановка вопроса, съ самаго начала данная марксистами: капитализмъ растетъ; это—сила стихійная; нѣтъ возможности противодѣйствовать этой стихійной силѣ; нужно поэтому постараться хоть отчасти подчинить ее разумной дѣятельности демократіи, а тѣмъ самымъ подготовить почву для перехода въ новыя общественныя и хозяйственныя формы.

Кажется, постановка вопроса ясная и простая, какъ ясна и проста въ конечномъ счетѣ всякая истина, установленная наукой. Но сколько времени, какая масса труда требуется, чтобы усвоили эту простую истину люди, которымъ она непріятна! Многимъ такъ-таки и не можетъ даться въ руки это усвоеніе, несмотря на всѣ „исканія". Не дается оно въ руки мелкимъ хозяйчикамъ, которые цѣпляются за свою жалкую, голодную и часто мнимую „самостоятельность". Трудно дается ея пониманіе и людямъ изъ интеллигенціи, стоящимъ на точкѣ зрѣнія мелкаго хозяйчика, желающимъ „опереться" на него въ своей демократической дѣятельности. Вмѣсто того, чтобы смотрѣть прямо въ глаза дѣйствительности, эти люди строятъ и строили „воздушные замки въ стилѣ удѣльно-вѣчевой эпохи"; а марксистовъ они обвиняли въ желаніи втянуть Россію въ русло капитализма, „невозможнаго" на русской почвѣ.

Между тѣмъ нежеланіе или неспособность народнической демократіи порождала многія иллюзорныя представленія, выгодныя какъ разъ тому „чумазому", противъ котораго она ополчалась. Тѣ же иллюзорныя представленія о соотношеніи общественныхъ элементовъ приводили нерѣдко къ безплодной растратѣ силъ демократіи.

Первое мѣсто въ числѣ этихъ иллюзорныхъ представленій занимали представленія о классовомъ (по представленію народниковъ—внѣклассовомъ) характерѣ россійскаго государства, а въ связи съ этимъ — и представленія о задачахъ и методахъ дѣятельности нашей демократіи.

Мы уже знаемъ, что, по мнѣнію Ткачева, русское государство „виситъ въ воздухѣ". Ту же мысль проводилъ въ началѣ 80-хъ годовъ народникъ Левъ Тихомировъ. Онъ увѣрялъ, что въ Россіи не классовая борьба создала данный государственный строй, а напротивъ, государственная власть создаетъ, вызываетъ къ жизни различные классы. Если бы власть рѣшилась измѣнить свою политику, то высшіе классы, лишенные ея поддержки, были бы осуждены на гибель. Другими словами, въ основѣ общественныхъ отношеній лежитъ не экономика, а политика, политическая власть. Какъ мы уже указывали, изъ такого признанія роли политической власти исходили народники и тогда, когда объявляли капитализмъ въ Россіи „искусственнымъ" насажденіемъ правительства. Въ признаніи за „государствомъ" первенствующей роли по отношенію къ экономикѣ страны, народники отчасти повторяли европейскихъ анархистовъ, а еще въ большей степени, пожалуй, россійскихъ либеральныхъ историковъ, которые чуть ли не до нашихъ дней продолжали твердить о русскомъ государствѣ, стоявшемъ будто бы внѣ классовъ, создавшемъ классы и закрѣпощавшемъ „всѣ сословія".

Въ послѣднее время и въ русской исторической наукѣ начала пробиваться струя болѣе правильнаго отношенія къ историческимъ фактамъ. Но во время расцвѣта народничества въ русской исторической наукѣ, стоявшей на идеалистической точкѣ зрѣнія, цѣликомъ еще господствовали тѣ представленія, которыя были формулированы Ткачевымъ и Тихомировымъ.

Какъ извѣстно, марксизмъ давно уже противопоставилъ идеалистическому пониманію историческаго процесса (бытіе опредѣляется сознаніемъ) обратное пониманіе (сознаніе опредѣляется бытіемъ). А такъ какъ бытіе больше всего и прежде всего зависитъ отъ условій хозяйственной (экономической) дѣятельности, то этими условіями опредѣляется и міръ человѣческихъ отношеній въ области интеллектуальной и политической. Въ хозяйственной жизни одной изъ основныхъ чертъ является классовая борьба,— она находитъ себѣ выраженіе и въ борьбѣ политической; а политическое господство является выраженіемъ господства классоваго. Поэтому и всякая классовая борьба является борьбой политической.

Исходя изъ этихъ положеній, марксисты съ самаго начала выставили тезисъ о классовомъ характерѣ русскаго государства. „Развѣ абсолютная монархія не была у насъ, какъ и вездѣ, классовымъ государствомъ?"— говорилъ Плехановъ, возражая Тихомирову.—„Вѣдь самъ Тихомировъ признаетъ въ нашей исторіи существованіе дворянства, какъ сословія, дѣйствительно господствующаго", по крайней мѣрѣ съ указа о вольности. И развѣ народъ не объяснялъ именно вліяніемъ и даже прямымъ заговоромъ баръ и чиновниковъ всѣхъ невыгодныхъ для него постановленій нашего законодательства, всѣхъ произвольныхъ и стѣснительныхъ распоряженій администраціи? А если это такъ, то классовый характеръ „государства" былъ очень замѣтенъ, и протестъ противъ именно классоваго государства проходитъ черезъ всю русскую исторію.

Если всѣ классы въ Россіи получили свою силу только отъ „государства", если капитализмъ въ Россіи насаждается „искусственно", то самъ собою получается выводъ, что въ Россіи буржуазія безсильна; поэтому, по

мнѣнію народниковъ, у насъ ничто не мѣшаетъ торжеству „народоправленія", если только старый порядокъ не продержится достаточно долго, „чтобы дать буржуазіи время окрѣпнуть до такой степени, которая необходима для организаціи всего нашего производства на капиталистическихъ началахъ".

Само собой разумѣется, что марксисты, признавая наличность капитализма въ Россіи, не могли не возражать народникамъ и въ этомъ вопросѣ.

— Для русской буржуазіи какъ нельзя болѣе выгодна увѣренность нѣкоторыхъ нашихъ революціонеровъ въ ея безсиліи; она и сама, пожалуй, готова повторять ихъ пѣсню; она даже дѣлаетъ это при каждомъ удобномъ случаѣ,—говорилъ Плехановъ въ книгѣ „Наши разногласія".

Буржуазіи выгодно было использовать въ своихъ цѣляхъ старый политическій режимъ и не нести отвѣтственности за его непопулярныя мѣры. Но въ то же время передовые слои буржуазіи, представлявшіе ея болѣе развитую въ капиталистическомъ отношеніи часть, уже вступали въ конфликтъ съ старымъ строемъ. Буржуазія, конечно, не прибѣгнетъ въ этомъ конфликтѣ къ „рискованнымъ средствамъ", какъ не прибѣгала къ нимъ и въ другихъ странахъ: она лишь пожнетъ въ свое время плоды побѣды демократіи.

Въ связи съ вопросомъ о положеніи и роли буржуазіи въ Россіи интересно остановиться на прогнозѣ, данномъ марксистами въ связи съ голодомъ 1891 года. Народники увѣряли, что „исторія идетъ самыми невѣроятными путями", что „шаги русскаго прогресса въ значительной степени зависятъ отъ случая". Подобныя увѣренія являются громкимъ и яркимъ свидѣтельствомъ ненаучности народническихъ взглядовъ. Научно знать—значитъ предвидѣть. И если предвидѣніе оправдывается—это является наилучшимъ доказательствомъ правильно-

сти метода и научной цѣнности данной системы взглядовъ. Посмотримъ же, какъ изображали въ 1891 году марксисты (въ лицѣ Плеханова) тогдашнее положеніе и будущую роль буржуазіи.

Буржуазія вообще,—по словамъ Плеханова,—имѣетъ склонность къ дешевому правительству. А российская бюрократическая машина обходилась дорого и работала скверно. Тѣмъ не менѣе буржуазія поддерживала старый порядокъ: онъ былъ ей очень выгоденъ. При старомъ порядкѣ буржуазія была почти свободна отъ налоговъ; она пользовалась всевозможными правительственными субсидіями и гарантіями дохода. Но „нѣжность“ всероссійскаго купечества къ бюрократіи быстро исчезнетъ, какъ только старый порядокъ станетъ невыгоднымъ. И этотъ день недалекъ, такъ какъ, благодаря доведенію народа до хроническихъ голодовокъ, исчезаетъ внутренній рынокъ, уничтожается покупательная способность массъ.

Это уничтоженіе больно ударитъ буржуазію по карману. А бюрократія, вынужденная расходовать деньги на продовольствіе голодныхъ массъ и лишившаяся стараго податного источника въ лицѣ тѣхъ же массъ, будетъ вынуждена „протянуть руку къ кошельку буржуазіи“. Тогда буржуазія не замедлитъ потребовать „правоваго порядка“, чтобы ограничить и контролировать расходы бюрократіи.

Для обезпеченія себѣ внутренняго рынка буржуазія вынуждена будетъ принять мѣры къ увеличенію общей суммы такъ называемаго „народнаго богатства“. Тогда ей придется заговорить о реформахъ.

Въ области земельныхъ отношеній голодъ обостритъ противорѣчіе интересовъ, усиливъ зажиточные, буржуазные элементы деревни за счетъ пролетаризующейся крестьянской массы. Земля будетъ уходитъ изъ рукъ бѣдноты и скопляться въ рукахъ сельской буржуазіи.

Мелкій хозяинъ цѣнилъ землю, какъ область приложенія своей рабочей силы; онъ могъ довольствоваться доходностью отъ земли въ размѣрѣ лишь заработной платы и отдавать весь остальной доходъ на уплату налоговъ государству. Землевладѣлецъ-буржуа, собравшій мелкіе участки въ одно крупное владѣніе, уже не захочетъ и не сможетъ нести обложеніе земли въ прежнемъ размѣрѣ; кромѣ оплаты рабочей силы, онъ разсчитываетъ еще на полученіе ренты и прибыли. Буржуа-землевладѣлецъ далеко не такая покладистая платежная сила, какъ мелкій хозяинъ-крестьянинъ. Отсюда—новый поводъ для неизбѣжныхъ конфликтовъ въ будущемъ.

Какъ только старый порядокъ окажется не въ состояніи уже играть роль насоса, который перекачиваетъ народныя средства въ карманы буржуазіи, такъ сейчасъ буржуазія повернется къ нему спиной. Голодъ 1891 года является экономическимъ прологомъ предстоящей политической революціи.

Люди, имѣвшіе возможность внимательно присматриваться къ позиціи нашей буржуазіи за послѣднія 10—15 лѣтъ и наблюдавшіе ростъ силы пролетаріата, должны будутъ признать, что марксисты были правы въ своихъ предсказаніяхъ. Неибѣжностью роста активности пролетаріата и оппозиціонности буржуазіи должны были опредѣлиться и задачи, и тактика демократической дѣятельности въ послѣднее десятилѣтіе девятнадцатаго и въ началѣ двадцатаго вѣка. Буржуазія по своему классовому положенію антидемократична. Она боится народа. Крестьянство лишено политической иниціативы. Дѣйствительно революціоннымъ классомъ могъ быть только пролетаріатъ.

„Я васъ арестую".

Либеральный петербургскій строитель, инженеръ Квиль, испробовавъ разныя мѣры противъ забастовавшихъ рабочихъ, кончилъ тѣмъ, что обозвалъ выборныхъ отъ рабочихъ хулиганами и закричалъ:

— Я васъ арестую! („Правда", 1912 г., № 115).

Въ августѣ случилась забастовка въ пекарнѣ товарищества пекарей (Пет. Ст., Бѣлозерская ул.). — „У насъ хозяева,—пишутъ въ „Правду" рабочіе, — прежніе наши товарищи-рабочіе и чуть ли не шли въ первыхъ рядахъ нашей борьбы съ хозяевами въ 1906 году". Въ отвѣтъ на требованія забастовщиковъ эти бывшіе товарищи заявили:

— Мы васъ всѣхъ арестуемъ! („Правда", № 99).

Къ хозяину слесарной мастерской Лыбину во время забастовки пріѣхалъ кожевникъ Парамоновъ и, очевидно, желая оказать пріятелю дружескую услугу, сказалъ:

— Кто вамъ не будетъ давать работать, скажите мнѣ: я ихъ всѣхъ вышлю („Правда", № 84).

Кондратьевъ, хозяинъ шелкоткацкой мастерской въ Петербургѣ, заявилъ бастующимъ:

— Я васъ всѣхъ въ участокъ стащу! („Н. Звѣзда", № 3).

Управляющій фабрикой штамповочнаго и шорно-брезентнаго производства, нѣкій Дмитрій Назаровичъ, по случаю экономической забастовки, грозилъ:

— Я ссйчасъ потребую полицію и вышлю васъ въ 24 часа изъ столицы!

Владѣлецъ типографіи Гутманъ, на предложеніе вести переговоры черезъ выборныхъ отъ рабочихъ, отвѣтилъ:

— Признаю выборныхъ, а потомъ ихъ въ полицію! („Правда", № 189).

Владѣлецъ типографіи Смирновъ, въ отвѣтъ на такое же предложеніе, побѣжалъ звонить по телефону въ участокъ и, придерживая дверь конторы, кричалъ:

— Я вамъ покажу выборныхъ!

„Я васъ арестую", „я васъ вышлю"—это говорили не полицейскій, судейскій или военный чинъ, а частныя лица. Такимъ образомъ, частныя лица имѣли у насъ право по личному желанію арестовывать и высылать людей; чтобы получить такое право, нужно только одно: эксплоатировать трудъ наемнаго рабочаго.

Это явленіе имѣетъ глубокіе корни въ прошломъ Россіи. Вспомните крѣпостное право. Помѣщикъ именовался „государемъ", а его крѣпостные крестьяне—его „подданными". Государь-помѣщикъ имѣлъ право и самъ держать въ заключеніи своихъ подданныхъ, и отправлять ихъ въ полицію для тѣлеснаго наказанія, и предавать властямъ для ссылки на поселеніе и въ каторжныя работы.

Законъ налагалъ каторгу за тягчайшія преступленія. Но государь-помѣщикъ самъ былъ законодателемъ для своихъ крѣпостныхъ-подданныхъ, и власти не имѣли права даже спрашивать, за что, по какому поводу помѣщикъ отправляетъ крестьянина въ каторгу. Теперь права государей-помѣщиковъ, въ смягченной формѣ, перешли къ государямъ-нанимателямъ: къ Гутману, Кондратьеву, Квилю и прочимъ. По закону экономическія забастовки не были запрещены; за участіе въ забастовкѣ нельзя предать суду. Но государь-наниматель

самъ являлся судьей и законодателемъ: онъ арестовывалъ и высылалъ рабочихъ за дѣянія, за которыя не имѣло право арестовать или выслать ни одно, даже самое высшее, судебное учрежденіе въ Имперіи.

Однако, не преувеличиваемъ ли мы? Не дѣлаемъ ли слишкомъ поспѣшныхъ заключеній на основаніи слишкомъ немногихъ фактовъ?

Чтобы выяснить это сомнѣніе, обратимся къ стачечной хроникѣ рабочей газеты „Правда". Будемъ брать только факты, относящіеся къ Петербургу, гдѣ, по общему признанію, „законность" практикуется въ большей мѣрѣ, чѣмъ въ другихъ мѣстностяхъ Имперіи. Нужно при этомъ помнить, что нашъ источникъ свѣдѣній охватываетъ совершенно ничтожный періодъ времени,— всего 8 мѣсяцевъ. И, наконецъ, просимъ имѣть въ виду, что сама редакція „Правды" очевидно не задавалась цѣлью собирать этого рода факты со всею полнотой. По крайней мѣрѣ, въ своемъ руководящемъ указаніи корреспондентамъ-рабочимъ редакція ставитъ только вопросъ: „было ли вмѣшательство въ забастовку властей, аресты, высылки и т. п.?" („Вниманію корреспондентовъ" въ № 162). Слѣдовательно, роль нанимателя въ арестахъ и высылкахъ могла отмѣчаться только случайно, по собственной инициативѣ корреспондентовъ-рабочихъ.

Заглянемъ же повнимательнѣй въ стачечную хронику названной газеты.

Прямыя указанія на то, что фабричная администрація „грозитъ" рабочимъ арестомъ, довольно часты.

На фабрикѣ Платонова мастеръ предложилъ четверымъ изъ бастовавшихъ стать на работу, заявляя, что въ противномъ случаѣ ихъ арестуютъ. Малярный подрядчикъ Александровъ „грозилъ выслать всѣхъ забастовщиковъ изъ столицы на 3 года". Хозяинъ булоч-

ной Хохольковъ „стращаетъ рабочихъ арестомъ". Владѣлецъ столярно-мебельной мастерской Жаворонковъ „раскричался и даже грозилъ арестомъ". Колбасникъ Сергѣевъ „грозилъ арестомъ уполномоченныхъ". Въ переплетномъ отдѣленіи печатни Яковлева арендаторъ Рабштейнъ во время забастовки „придирался къ рабочимъ и даже грозилъ арестомъ". Администрація Сампсоніевской брезентовой фабрики грозила „сообщить фамиліи полиціи". На заводѣ Крейтона директоръ вырвалъ у рабочаго изъ рукъ списокъ требованій, а его самого „потащилъ для передачи полиціи... Рабочіе освободили товарища, а на крики директора заявили: „сдѣлай вторую Лену!". Въ шорной мастерской гвардейскаго экономическаго общества мастера грозили, что они сейчасъ сообщатъ градоначальнику, и что всѣ 15 бастующихъ будутъ арестованы.

Угрозы не остаются пустыми словами. Такъ, о малярномъ подрядчикѣ Кокинѣ сообщается, что онъ „запугивалъ забастовавшихъ полиціей, потребовалъ околоточнаго и городовыхъ".

У Сименса и Гальске „уже есть арестованные, а администрація черезъ сторожей распускаетъ слухъ о новыхъ арестахъ". На фабрикѣ Саутамъ арестовано около десяти рабочихъ, при чемъ поясняется: „какъ передаютъ, всѣхъ арестованныхъ владѣлецъ фабрики считаетъ вожаками забастовки".

Когда владѣльцу переплетной Николаеву были предъявлены экономическія требованія, онъ „позвалъ дворниковъ; арестовали двухъ рабочихъ и препроводили въ участокъ". Въ мастерской Артюхина (зол.-серебр. произ.) стачка проиграна, „такъ какъ хозяинъ обратился за помощью въ участокъ". Въ типографіи Кене и К° „администрація дѣйствуетъ: арестованы выборный Бариновъ и уполномоченный Сосновицкій". Администрація

Екатерингофской мануфактуры „не брезговала никакими мѣрами, вплоть до ввода въ помѣщеніе фабрики полиціи“. Владѣлецъ типографіи Лукшевицъ „прибѣгнулъ къ помощи полиціи; полиція явилась въ типографію и по указанію г. Лукшевицъ были вызваны въ контору 4 рабочихъ, которымъ былъ данъ сперва расчетъ, а затѣмъ всѣ они были арестованы и отправлены въ полицейское управленіе“. Администрація багетной фабрики Фрейдберга „прибѣгаетъ къ излюбленному способу: сорвать забастовку массовымъ арестомъ; этими арестами она и раньше грозила рабочимъ“. Колбасникъ Сергѣевъ нѣсколькихъ неблагонадежныхъ разсчиталъ, а „двоихъ затащили въ участокъ“.

Колбасный фабрикантъ И. Бычковъ, послѣ безуспѣшныхъ попытокъ найти штрейкбрехеровъ, „началъ дѣйствовать иначе: было арестовано около 40 бастующихъ... Нѣкоторые изъ арестованныхъ уже выпущены, на ихъ мѣсто арестуютъ другихъ—способъ принудить рабочихъ стать на работу“. Типографъ В. Д. Смирновъ, „видя свое безсиліе противъ организованности рабочихъ, пригласилъ въ помощь полицію: въ ночь на 8 декабря выборный отъ рабочихъ А. Соколовъ арестованъ послѣ безрезультатнаго обыска“. На заводѣ Гейслера штрейкбрехеръ Пекель привелъ въ заводъ полицію и указалъ на одного изъ механиковъ, который и былъ арестованъ; „рабочимъ кажется, что такая иниціатива призыва полиціи къ заводу, по всей вѣроятности, происходила отъ главной заводской администраціи“. Владѣлецъ мастерской дамскаго платья Клейзеръ, совмѣстно съ околоточнымъ и старшимъ дворникомъ, пытался задержать случайно проходившихъ мимо двухъ бастующихъ рабочихъ. При забастовкѣ въ булочныхъ Филиппова были арестованы болѣе 10 уполномоченныхъ, выбранныхъ для переговоровъ, „въ присутствіи завѣдующихъ отдѣленіями“.

Изрѣдка хозяева какъ будто стыдятся своего общенія съ полиціей или боятся вызвать излишнее раздраженіе среди рабочихъ. Тогда они дѣйствуютъ тайкомъ или хитростью. Такъ, напримѣръ, уже упоминавшійся нами типографъ В. Д. Смирновъ вызвалъ въ контору представителей отъ бастующихъ рабочихъ. Во время переговоровъ въ контору явилась какая-то сомнительная личность въ штатскомъ, окинула привычнымъ взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и скрылась. Управляющій сказалъ, что это какой-то мастеръ. Ужъ не затѣмъ ли были призваны представители отъ рабочихъ, чтобы показать ихъ какому-то странному типу? Рабочіе же узнали въ этомъ штатскомъ переодѣтаго околоточнаго.

Но это—сравнительно рѣдкіе случаи,—или по крайней мѣрѣ случаи, сравнительно рѣдко подмѣчаемые самими рабочими. Чаще предъ нами проходятъ случаи ничѣмъ не прикрытаго обращенія къ полиціи. Иногда государи-наниматели не сразу арестуютъ своихъ „подданныхъ", а пытаются раньше убѣдить ихъ работать, подкрѣпляя свои аргументы присутствіемъ полиціи или приглашая послѣднюю помочь дѣлу. Такъ, на маслобойномъ заводѣ Жукова либеральный директоръ, „видя сильный протестъ со стороны рабочихъ, потребовалъ представителя полиціи и въ его присутствіи пустился на хитрость: сталъ вѣжливо уговаривать приступить къ работамъ". Истинно-либеральная вѣжливость въ присутствіи чиновъ полиціи! Этотъ вѣжливый либералъ,—по словамъ корреспондента-рабочаго, — выставлялъ свою кандидатуру при выборахъ въ 1-ю Гос. Думу отъ Петербурга и состоитъ членомъ кадетской партіи; фамилія не названа.

Либеральный директоръ зналъ, что значитъ увѣщаніе въ присутствіи полиціи. Такъ, у Крейтона „помощникъ пристава сталъ загонять рабочихъ, какъ барановъ, на

заводъ“. На заводѣ Сименса и Гальске „были приняты мѣры, по примѣру кабельнаго завода, загнать рабочихъ при помощи полиціи, но это ни къ чему не привело. Полиція арестовала всѣхъ прохожихъ около завода“.— На постройкѣ гвардейскаго экономическаго общества забастовала ночная смѣна плотниковъ. Чтобы и дневные не примкнули къ стачкѣ, были приглашены полицейскія власти, съ которыми г. Лоренцъ (инженеръ) вышелъ уже изъ конторки и крикнулъ рабочимъ:—„Ну, что же, будете работать сейчасъ, тогда ступайте, а если не будете,—тогда берите расчетъ!“—И темные, несознательные плотники, при видѣ полицейской формы, въ полночь взяли расчетъ.

Обращеніе хозяевъ къ полиціи, аресты и высылки по волѣ хозяевъ въ случаяхъ мирной экономической забастовки не вызываютъ удивленія у рабочихъ-корреспондентовъ. Напротивъ, они нерѣдко называютъ подобныя дѣйствія хозяевъ „обычнымъ“ и „излюбленнымъ“ пріемомъ борьбы. Неприглашеніе полиціи кажется даже страннымъ; рабочіе ищутъ объясненія такого „непорядка“. Напримѣръ, одинъ изъ нихъ пишетъ по поводу забастовки на монтажѣ Сименса и Гальске при постройкѣ дома 1-го Россійскаго Страхового Общества:

„Выяснилась интересная подробность, ярко рисующая настроеніе администраціи: она забыла даже сообщить въ полицію о забастовкѣ,—такъ, значитъ, переполошилась“.

Что касается такъ называемаго „общественнаго мнѣнія“ хозяевъ, то оно, очевидно, относится къ призыву полиціи, къ арестамъ и высылкамъ по требованію хозяевъ, какъ къ явленію нормальному, какъ къ „законному праву“ нанимателя. Такъ, напримѣръ, въ октябрѣ въ Москвѣ состоялось собраніе владѣльцевъ портновскихъ мастерскихъ, на которомъ было рѣшено отправить де-

путацію къ градоначальнику съ просьбой оказать содѣйствіе для прекращенія забастовокъ. Градоначальникъ затребовалъ списки бастующихъ рабочихъ, которые тутъ же были представлены депутатами отъ хозяевъ, и обѣщалъ принять мѣры.

Характернымъ показателемъ взгляда рабочихъ на обычность арестовъ по волѣ хозяевъ являются забастовки съ требованіемъ освободить арестованныхъ товарищей. Казалось бы, подобное требованіе безсмысленно предъявлять къ хозяину предпріятія, къ частному лицу. Вѣдь арестъ производитъ политическая власть, и производитъ, какъ предполагается, на основаніи закона, по мотивамъ общегосударственнаго свойства. Но въ томъ и дѣло, что, какъ хорошо извѣстно рабочимъ, полиція сплошь и рядомъ дѣйствуетъ не самостоятельно, а только какъ исполнительный органъ высшаго законодателя и высшаго судьи—государя-содержателя портновской мастерской—и т. под... Въ самомъ дѣлѣ—какъ могъ бы московскій градоначальникъ не исполнить постановленія цѣлаго собранія московскихъ „государей-портныхъ", если это постановленіе вполнѣ соотвѣтствуетъ единодушному требованію и общественному мнѣнію всего класса „государей-нанимателей", экономическихъ хозяевъ страны?

Арестъ рабочихъ по требованію ихъ хозяина—это не исключительное явленіе, не правонарушеніе, а право у насъ въ Россіи. Право, не писаное въ законахъ,—но вѣдь не записью на бумажкѣ, а дѣйствительной жизнью опредѣляется полнота правъ той или иной группы населенія. Писаный законъ признаетъ за рабочими право на экономическія забастовки, но это только бумажное право. А неписаный законъ признаетъ за хозяевами право на арестъ и высылку участниковъ экономической забастовки; это—не бумажное, а дѣйствительное право, вполнѣ

соотвѣтствующее правосознанію всего класса нанимателей.

Въ старину помѣщикъ, покупая крѣпостного, зналъ, что тѣмъ самымъ онъ покупаетъ право на извѣстныя дѣйствія по отношенію къ этому крестьянину. Право отправлять крѣпостного въ полицію для наказанія, вплоть до каторги, было составной частью права владѣнія этимъ крѣпостнымъ. Точно такъ же неразрывной составной частью права владѣнія торговымъ или промышленнымъ предпріятіемъ у насъ въ Россіи,—и въ 1912 году, и раньше,—является право арестовывать и высылать рабочихъ за экономическую забастовку. Это такъ же соотвѣтствуетъ правосознанію нанимателя, какъ вашему, читатель, правосознанію соотвѣтствуетъ право съѣсть купленную вами булку.

Вотъ почему не можетъ вызывать удивленія ни то, что либеральные инженеры и директора фабрикъ обращаются при забастовкахъ къ содѣйствію полиціи, ни то, что арестомъ грозятъ сами вчерашніе передовые рабочіе, члены товарищества пекарей, о чемъ мы упоминали въ началѣ статьи. Остановите вниманіе хотя бы на этихъ „товарищахъ-пекаряхъ“: вѣдь когда они заводили свою пекарню съ наемными рабочими, они были увѣрены, они знали, что вмѣстѣ съ правомъ собственности на печку, прилавокъ и корзины они получили право арестовывать и высылать своихъ рабочихъ. Вѣдь сѣкли же во времена крѣпостного права, вѣдь ссылали же своихъ крестьянъ въ каторгу и самые образованные, самые культурные, самые либеральные помѣщики; почему же и нашимъ пекарямъ не пользоваться, какъ говорится, „своимъ полнымъ правомъ“?

Нужно, однако, имѣть въ виду, что право нанимателя арестовывать и высылать своихъ рабочихъ за участіе въ экономическихъ забастовкахъ вполнѣ соотвѣт-

ствуетъ только правосознанію одной изъ сторонъ,— правосознанію нанимателей. Что же касается рабочихъ, то они, въ свою очередь, борются, сколько могутъ, за признаніе за ними права на забастовки; они знаютъ, сверхъ того, что писаный законъ признаетъ за ними это право; поведеніе нанимателей они считаютъ правонарушеніемъ, хотя и „обычнымъ", „излюбленнымъ", постояннымъ. Между тѣмъ въ интересахъ всего класса нанимателей поддерживать писаные законы, которые въ цѣломъ направлены на защиту именно ихъ интересовъ противъ интересовъ рабочихъ. А въ интересахъ отдѣльныхъ нанимателей не раздражать своихъ рабочихъ слишкомъ яркимъ проявленіемъ того, что рабочіе считаютъ правонарушеніемъ: удобнѣе и выгоднѣе свалить вину на кого-нибудь посторонняго, напримѣръ, на полицію. Между тѣмъ, какъ мы видѣли, наниматели далеко не всегда скрываютъ отъ рабочихъ, что поступаютъ по собственному „правосознанію". Нужно поэтому удивляться не тому, что наниматели арестуютъ рабочихъ, а тому, что часто они дѣлаютъ это съ столь грубой откровенностью и непринужденностью.

И все-таки нужно думать, что тѣ, кто поумнѣй, скрываютъ. Нужно думать, что иниціатива хозяевъ имѣется на лицо и въ тѣхъ случаяхъ, когда мы находимъ въ печати лишь краткое сообщеніе объ арестѣ или высылкѣ забастовщиковъ, а равно и въ тѣхъ вообще случаяхъ, когда власти обрушиваются съ репрессіями на тѣ или иныя легальныя проявленія рабочей борьбы, на рабочую прессу, на профессіональные союзы и общества, на рабочія собранія и т. п. Конечно, нельзя всѣ безъ исключенія подобные случаи репрессій приписывать непремѣнно инициативѣ хозяевъ или хозяйскихъ организацій. Многія репрессіи предпринимаются и по почину самихъ властей, въ силу убѣжденія, что данныя

рабочія начинанія угрожаютъ „общественному порядку“. Но если мы знаемъ, съ одной стороны, что при забастовкахъ хозяева руководятся не писанымъ, а своимъ обычнымъ правомъ, если слышимъ, съ другой стороны, о рѣзко враждебномъ отношеніи хозяевъ къ рабочей печати, союзамъ и т. п., то мы безусловно въ правѣ предположить и должны предполагать, что за кулисами мѣръ, предпринимаемыхъ администраціей, скрывается давленіе или требованіе нанимателей.

Возьмемъ для примѣра вопросъ о рабочей печати. Въ наши дни она непосредственно задѣваетъ почти исключительно интересы хозяевъ; по общеполитическимъ вопросамъ она почти приведена къ молчанію цензурными условіями. Понятно, что отдѣльные хозяева относятся съ ненавистью къ такимъ газетамъ, какъ, напримѣръ, „Правда“, и не скрываютъ этого. И вотъ вслѣдъ за хозяевами начинаетъ стараться полиція; найдя газету при обыскѣ, она начинаетъ кричать:—„Крамольникъ? Ты знаешь, какую газету ты читаешь? Это самая вѣдь паршивая газета, и тебя за это могутъ упрятать туда, куда Макаръ телятъ не гоняетъ!“

А въ связи съ забастовкой на Путиловскомъ заводѣ полиція 10 ноября „по проспекту и около завода“ отбирала у газетчиковъ № 165 „Правды“, хотя этотъ номеръ не былъ конфискованъ; многіе изъ газетчиковъ въ районѣ завода подверглись обыску. А на другой день читаемъ сообщеніе о томъ, что директоръ завода Лабунскій говорилъ забастовщикамъ въ котельной:

— Это все начали крамольники столяры, и вы смотрите на нихъ. Вотъ я ихъ разсчиталъ, и вы хотите этого. Вы нахватались всякихъ глупостей изъ глупыхъ газетъ „Правда“ и „Лучъ“, которыя все врутъ.

Связь между взглядомъ Лабунскаго и ролью полиціи по отношенію къ рабочей газетѣ очевидна. Любопытно

здѣсь наблюдать, какъ создается дѣйствительное хозяйское „право“ на ряду съ писанымъ закономъ. По писаному закону № 165 „Правды“ конфискаціи не подлежалъ; но по дѣйствительному праву близъ территоріи государя-директора Путиловскаго завода, по законодательной и судебной прерогативѣ Лабунскаго, № 165 подлежалъ конфискаціи и былъ изъятъ, а газетчики подверглись обыску.

На извѣстной территоріи, прилегающей къ Путиловскому заводу, Лабунскій явился источникомъ права въ политической области законовъ о свободѣ печати. Не естественно ли будетъ, если рабочіе Путиловскаго завода, съ цѣлью политическаго завоеванія свободы печати на данной территоріи, прибѣгнутъ когда-либо къ забастовкѣ, непосредственно направленной противъ администраціи Путиловскаго завода?

Теперь представьте себѣ, что рабочая печать снова совершенно уничтожена, и рабочіе разныхъ фабрикъ и заводовъ захотятъ добиться возстановленія права имѣть свою печать. Резонно ли будетъ, если они въ этой борьбѣ за политическое право главное вниманіе сосредоточатъ на забастовкахъ, то-есть на выступленіяхъ, непосредственно направленныхъ противъ экономическихъ хозяевъ страны?

И вообще, если отдѣльные наниматели и ихъ организаціи являются источникомъ политическаго безправія рабочаго класса, то насколько является для рабочихъ полезнымъ, необходимымъ или даже только возможнымъ строгое разграниченіе экономической и политической борьбы?

Отъ частнаго случая, отъ эпизода съ газетой въ районѣ Путиловскаго завода, перейдемъ къ вопросу о вліяніи нанимателей на положеніе рабочей печати вообще. Вотъ характерный фактъ. Въ № 90 „Правды“ была цѣ-

комъ напечатана знаменитая секретная конвенція общества петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ; опубликованіе конвенціи было скандаломъ для нанимателей, такъ какъ ея содержаніе рѣзко противорѣчило публичнымъ заявленіямъ фабрикантовъ и заводчиковъ. Номеръ газеты не былъ конфискованъ политической властью,— такая конфискація производится въ 5—6 часовъ утра. А послѣ полудня вдругъ послѣдовало распоряженіе о конфискаціи,—почему? Отвѣтъ напрашивается самъ собою: потому что дѣловой день буржуазныхъ верховъ Петербурга начинается около полудня. Представьте же себѣ, что петербургскій пролетаріатъ захотѣлъ бы въ этомъ случаѣ протестовать противъ конфискаціи: противъ кого же непосредственно долженъ былъ бы направиться протестъ?

Сказанное относительно рабочей „свободы печати" цѣликомъ примѣнимо и къ рабочей „свободѣ союзовъ". Къ профессіональнымъ рабочимъ союзамъ наниматели относятся рѣзко враждебно. Въ секретной конвенціи петербургскихъ заводчиковъ и фабрикантовъ, подъ угрозой штрафа, запрещается хозяевамъ: 1) допускать какое бы то ни было представительство рабочихъ въ видѣ депутатовъ, старостъ и т. п. и 2) допускать вмѣшательство и посредническое участіе со стороны профессіональныхъ союзовъ, обществъ и вообще постороннихъ заводу организацій.

Здѣсь мы опять видимъ, какъ воля государей-нанимателей творитъ право вопреки писаному закону. Законъ разрѣшаетъ учрежденіе фабричныхъ старостъ, а конвенція ихъ запрещаетъ подъ угрозой штрафа. Законъ допускаетъ посредничество профессіональныхъ союзовъ, а конвенція караетъ нанимателей, согласившихся на такое посредничество. И дѣйствительное право формулируется не закономъ, а конвенціей.

У всѣхъ въ памяти способъ проведенія въ жизнь страховыхъ законовъ вообще, и по Петербургу въ особенности. Поведеніе министерства торговли и промышленности вызвало острое недовольство петербургскихъ рабочихъ. Начались забастовки протеста. Но чѣмъ было вызвано поведеніе министерства? Шло ли оно вразрѣзъ съ волей нанимателей или было только выраженіемъ этой воли? Чѣмъ отвѣтили фабриканты на забастовки протеста? Предложили ли они министерству ближе держаться требованій страхового закона? Нѣтъ, какъ разъ напротивъ: они требуютъ не введенія дѣятельности министерства въ рамки закона, а „ходатайствуютъ" о принятіи мѣръ къ недопущенію забастовокъ по этому поводу („Лучъ", № 71). Кто же и въ этомъ случаѣ,—въ дѣлѣ проведенія въ жизнь страховыхъ законовъ,—является дѣйствительнымъ творцомъ „права" вопреки закону: министерство или общество заводчиковъ и фабрикантовъ?

Авторъ приведеннаго въ № 71 газ. „Лучъ" сообщенія замѣчаетъ между прочимъ: „представители легализованныхъ рабочихъ обществъ указываютъ, что ходатайство фабрикантовъ вызоветъ... рядъ репрессій противъ профессіональныхъ обществъ". Указаніе совершенно вѣрное. Газеты уже сообщали о новомъ проектѣ министерства внутреннихъ дѣлъ, направленномъ противъ профессіональныхъ союзовъ. И вновь приходится спросить: кто же тутъ руководитель и кто исполнитель? министерство или хозяева?

Стоитъ ли послѣ всего сказаннаго разсматривать еще особо вопросы о правѣ рабочихъ собраній, о неприкосновенности рабочей личности, объ избирательныхъ правахъ пролетаріата при выборахъ въ Государственную Думу и въ городскія думы и вообще всѣ и всякіе вопросы о политическихъ правахъ пролетаріата? Вообще говоря, очень стоило бы. Слѣдовало бы накоплять ма-

теріалы для проясненія политическаго сознанія. Но сейчасъ для насъ пожалуй что и не стоитъ: вѣдь заранѣе можно предвидѣть, какъ именно въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ разрѣшится поставленный нами вопросъ: кто же тутъ руководитель и кто исполнитель?

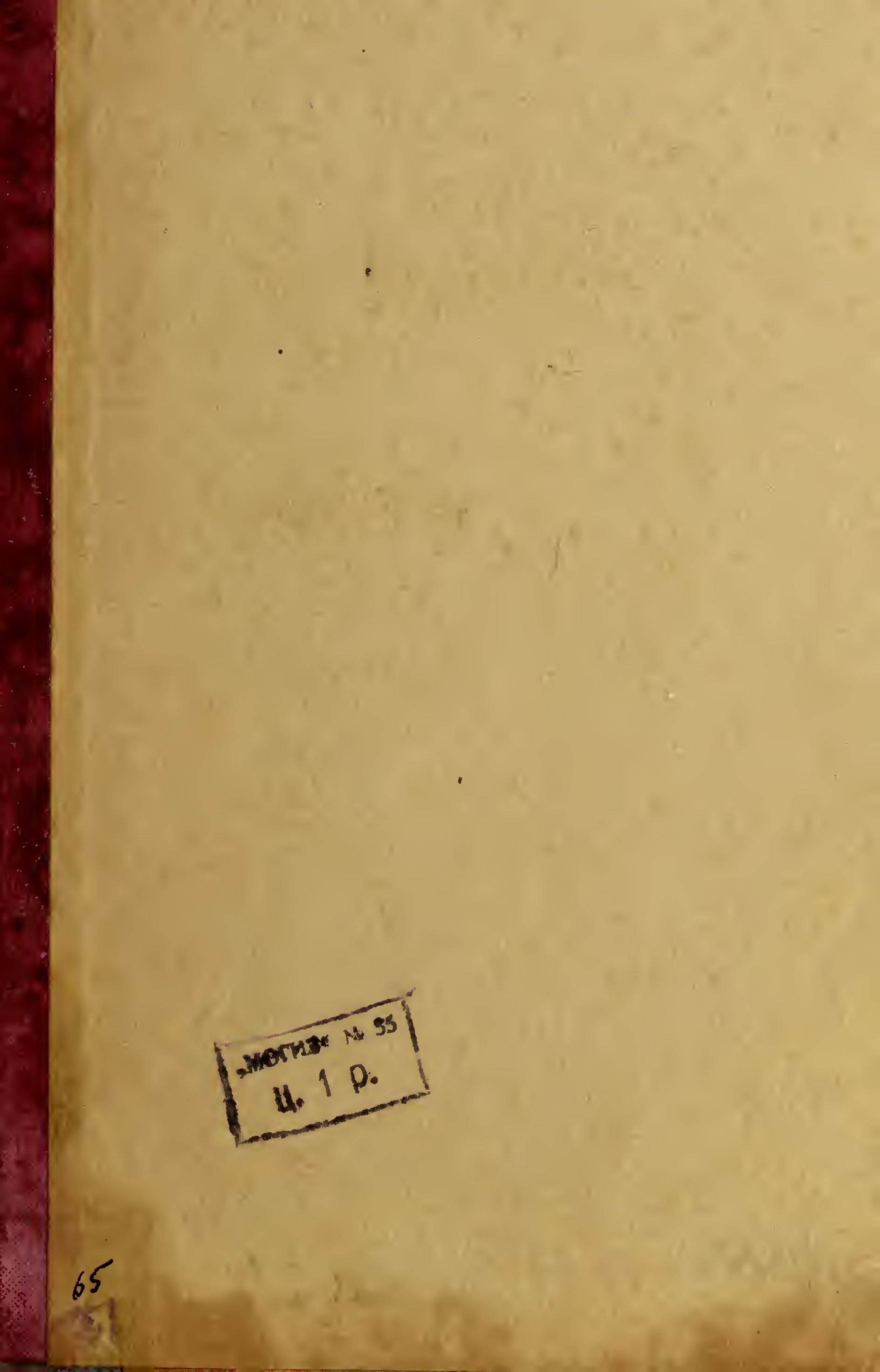
Однако, не станемъ пока распространять нашихъ выводовъ на области, еще не освѣщенныя въ настоящей статьѣ. Будемъ имѣть передъ глазами только эти три рабочихъ права: право на забастовку, право имѣть свою печать и право имѣть свои союзы. Права эти достаточно важны для рабочихъ, чтобы въ связи съ вопросомъ о нихъ политическій дѣятель поставилъ себѣ и нѣкоторые другіе вопросы болѣе общаго характера и болѣе глубокаго значенія. За недостаткомъ мѣста мы только назовемъ эти вопросы.

Во-первыхъ, вопросъ о томъ, насколько ярко и полно оправдывается въ Россіи общее положеніе марксизма, что всякая политическая борьба есть борьба классовая.

Во-вторыхъ, вопросъ о томъ, возможно ли и въ какой мѣрѣ разграниченіе областей борьбы экономической и борьбы политической.

Въ-третьихъ, какое содержаніе заключаетъ въ себѣ то явленіе, которое у насъ обычно называется „полѣвѣніе буржуазіи“,—имѣя въ виду, что фактъ этого „полѣвѣнія“ (на выборахъ) совпалъ по времени съ фактомъ усиленнаго обращенія буржуазіи къ помощи полиціи для борьбы противъ рабочихъ союзовъ, печати и забастовокъ.

Въ-четвертыхъ, какимъ образомъ при наличности констатированныхъ фактовъ можетъ осуществиться проектируемое многими единство дѣйствій всей оппозиціи, отъ прогрессистовъ-нанимателей до соціалъ-демократовъ-рабочихъ, для завоеванія „элементарныхъ политическихъ правъ населенія“?

«МОГИЗ» № 55
Ц. 1 р.
65

